

Алексей Корепанов

станция Солярис

Алексей Корепанов
Станция Солярис

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Корепанов А. Я.

Станция Солярис / А. Я. Корепанов — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

В сборник «Станция Солярис» вошли 11 повестей из разных периодов творчества автора. «Я твердо верил в то, что не прошло время жестоких чудес». Так говорится в романе Станислава Лема «Солярис». И время чудес действительно не прошло: чудеса продолжаются, и поклонники фантастического мира Алексея Корепанова по достоинству оценят книгу.

© Корепанов А. Я.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Круги рая	5
1	5
2	13
3	22
4	29
5	36
На чужом поле	41
1	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Корепанов

Станция Солярис

(Сборник фантастических повестей)

Круги рая

1

Я дошел до последних домов и остановился. Здесь улица обрывалась, и начиналась каменистая равнина с редкими островками жесткой желтой травы. Там я уже был.

Дома не особенно радовали глаз, потому что были самыми заурядными: двухэтажными, одноликими, без каких-либо архитектурных украшений. Ни тебе кариадид, ни пилястр или, на худой конец, дорических колонн. Дома сливались в сплошную тускло-серую стену, и некоторое разнообразие в нее вносили только небольшие квадратные окна.

Улица была безлюдной, и в окна никто не смотрел. Я немного полюбовался на равнину – пейзаж был самым унылым, серая поверхность растворялась вдаль в сером небе – и направился обратно. Теперь я знал, как выглядит эта часть Города. Она выглядела точно так же, как те улицы, по которым я уже успел пройти.

Стояла глубокая, даже давящая тишина, бесстрастно серело над крышами небо, и я шагал да шагал по потрескавшемуся асфальту, разглядывая скучные молчаливые дома.

В бар на одном из перекрестков я решил зайти просто так. Сегодня я все, в общем-то, делал просто так, не утруждая себя анализом. Точнее, собирал предварительную информацию, выяснял, что к чему в этом Городе. Не хотелось спешить с выводами, дабы не оказаться в положении тех слепцов из буддистского предания, которым царь приказал зачем-то там потрогать слона. Один слепец ощущал бивень, другой ногу, а третий – хвост. Вот и получилось, что слон показался одновременно подобным рукояти плуга, колонне и канату. Именно из-за неполной информации. Не стоило уподобляться древним слепцам.

Я открыл дверь и остановился на пороге. В баре было тихо и уютно. Дальняя стена тонула в полумраке, играла едва слышная музыка, небольшие столики и кресла стояли то редко, то густо. Окна отсутствовали, мягкий свет излучали разноцветные шары, парящие на разной высоте возле стен, исчерченных спиральными узорами. Спирали свивались в круги, разбегались, превращались в какие-то фантастические цветы, то и дело неуловимо меняющие форму и окраску. От их причудливых извивов слегка кружилась голова. Внезапно мне показалось, что я попал в царство теней, и вот-вот появится Харон и пригласит проследовать на поля, поросшие асфоделями.

Впрочем, подобное состояние продолжалось недолго, потому что раздался чей-то голос: – Эй, закрой дверь.

Я взгляделся в полумрак. За столиком у стены полулежала в кресле девушка. Голова ее была опущена на плечо, в руке зажат высокий бокал на тонкой ножке. Длинные черные волосы, черные брови, черное платье почти до пола, а из-под платья чернеют острые носики узких туфелек – все эти подробности я успел рассмотреть, пока подходил к ее столику. Девушка была симпатичной, но что-то мне в ней не понравилось. Хотя после увиденного в Городе в эти первые часы можно было ожидать всего чего угодно. Любого абсурда.

Я остановился у столика и положил руки на мягкую спинку кресла напротив девушки. Разговор был бы очень кстати. Может быть, он хоть что-то прояснит.

– Садись, – бесцветным голосом предложила девушка.

Она сделала глоток, посмотрела, как я усаживаюсь, потерлась щекой о плечо.

Видно, с церемониями здесь было просто.

– Выпей, – после недолгого молчания посоветовала она, рассеянно посмотрела поверх моей головы и опустила черные ресницы.

– Но где? – спросил я, еще раз осмотревшись.

– Приду-уриваешься? – лениво протянула девушка. – Ну-ну.

Она постучала пальцем по центру столика, и из отверстия вынырнул высокий бокал на тонкой ножке. Зеленоватая жидкость в бокале слегка подрагивала.

После первых же глотков в голове поплыл легкий приятный туман. Девушка отрешенно смотрела сквозь меня, и я понял, что именно мне в ней не понравилось.

Глаза. Глаза у нее были совершенно равнодушными.

Я тоже откинулся на спинку кресла и задумался, выбирая линию поведения. Вопросов к Городу накопилось уже порядочно, и я решил не тратить время на дипломатические тонкости.

– Первый день в Городе, – сообщил я, наблюдая за реакцией девушки.

– Угу, – кивнула девушка и опять отпила из бокала. – Первый день.

Реакция была совсем не той, на которую я рассчитывал. Что ж, попробуем дальше.

– Вообще-то, я с Земли, – очень внятно сказал я. – Вернее, не с Земли, а с межзвездной космической базы. Прибыл на разведку. Собственно, нам эта планета давно известна, но никто и не подозревал о вашем существовании.

Да, никто ничего не подозревал. Поэтому ракетный удар на первом же витке был для меня полнейшей неожиданностью. Катапультироваться я все-таки в последний момент успел, но капсула моя превратилась в грудку обломков, посыпавшихся на равнину. А я, спускаясь на парашюте, заметил на горизонте Город.

Девушка поскущнула и явно потеряла ко мне интерес.

– Я сегодня прилетел сюда, к вам, – повторил я, слабо надеясь, что она меня просто не поняла. Хотя говорили мы на одном языке.

Девушка закрыла глаза, вздохнула и отрешенно спросила:

– Ну и что?

Звучала медленная музыка, змеились спирали по стенам, неторопливо гасли, загорались, вновь гасли и вновь загорались разноцветные шары, и черноволосой девушке в длинном черном платье было, судя по всему, абсолютно все равно, откуда я здесь и зачем я здесь. У меня стало складываться впечатление, что я попал в какое-то заколдованное царство. И заколдовал его явно злой волшебник.

Черт побери, для чего я столько отшагал по этим камням?!

– Вам что, неинтересно?

Девушка, не открывая глаз, медленно помотала головой. Я видел, что ей действительно неинтересно.

– Но почему?

Я подался к ней, напряженно ожидая ответа.

– А вон те то и дело Землю поминают. Надоели...

Я резко повернулся, чуть не опрокинув свой бокал. В дальнем углу, в полумраке, сидели трое, почти касаясь друг друга головами. Они, кажется, разговаривали, потому что их губы шевелились, но тихая музыка все-таки заглушала слова.

Я встал, пробрался между столиков, остановился возле них и сказал, памятуя о простоте церемоний:

– Здравствуйте. Можно к вам присесть?

Нехорошее предчувствие появилось у меня еще на полпути к их столику, уж больно страшен был вид этой троицы. Предчувствие меня не обмануло – с таким же успехом я мог обратиться к креслу или стене. Бормотание продолжалось в прежнем темпе.

– Они что, глухие? – громко спросил я у девушки, но та не открыла глаз и ничем не показала, что услышала мой вопрос.

Кто-то подsunул ей веретено, о которое она укололась?

Я подавил раздражение и еще раз осмотрел троицу.

Они были бородаты и длинноволосы, в темных бесформенных балахонах с прорезями для рук и головы. Вглядевшись получше, я обнаружил, что бормочут они с закрытыми глазами, причем каждый свое. Я попытался разобрать слова, но не смог. Больше всего это походило на однообразный шум отдаленного водопада. Тихий непрерывный шум.

Я довольно долго смотрел на их костлявые лица, наводившие на мысли о каких-нибудь схимниках, пока не понял, что готов хотя бы и с применением силы прекратить это бормотание. А поняв это, я поспешно засунул руки в карманы комбинезона и вернулся к девушке, которую мысленно окрестил Равнодушной.

Она на мгновение приоткрыла глаза, когда я снова сел напротив, и привычно потянулась за бокалом.

– Послушайте, они нормальные?

Равнодушная едва заметно пожала плечами и промолчала.

Полумрак засасывал, музыка начинала действовать на нервы, троица с раздражающей монотонностью молилась неведомому богу. Девушка терлась щекой о плечо, иногда глядела сквозь меня и с размеренностью автомата подносила к губам бокал.

Куда же дальше? Где искать ответы? Снова тащиться через Город в мэрию мне не хотелось – я не очень надеялся, что со времени моего визита там произошли какие-либо изменения. Я сидел в удобном кресле, и никак не мог встать, и вдруг почувствовал себя очень уставшим.

– Где здесь можно переночевать?

Девушка несколько мгновений смотрела на меня полусонным непонимающим взглядом.

– Все придуриваешься? – наконец произнесла она одобрительно. – Или память отшибло? Толкни дверь да занимай любую пустую квартиру.

Меня даже удивила такая тирада. Равнодушная удосужилась произнести целых три фразы подряд!

Что ж, на сегодня, пожалуй, хватит. Выспаться, кое-что обдумать...

Я встал.

– Пока, Спящая Красавица!

Она опять посмотрела сквозь меня и ничего не ответила. Кажется, она уже забыла о моем присутствии.

На улице стемнело, и вдоль тротуаров бежали светящиеся желтые полосы. В небе не было видно ни одной звезды. Сплошная пелена облаков придавила к земле серые дома. В домах кое-где светились безликие квадраты окон.

На перекрестке стояли четверо парней в широких брюках и темных коротких куртках-безрукавках. Поколебавшись, я направился по тротуару, удаляясь от них, услышал, как они перебрались несколькими негромкими словами, и затылком почувствовал, что они смотрят мне вслед.

Улица впереди была безлюдной. Я подумал, что, возможно, в такое время по Городу небезопасно ходить в одиночку, и чуть ускорил шаги. По звукам за спиной я понял, что парни идут за мной. Вступать в конфликт с местным населением я пока не собирался, хотя с четверкой можно было бы справиться – ведь не зря же учили, – поэтому повернул за угол, прошел, держась поближе к стене дома, к подъезду и прислушался. Шаги приближались.

Я быстро поднялся по узкой лестнице на второй этаж и постучал в одну из дверей на тускло освещенной площадке. За дверью было тихо. Я постучал громче – дверь открылась, и я чуть не попятился от неожиданности. В прихожей, залитой зеленым светом, стояла высокая фигура, с ног до головы закутанная в розовое одеяние. Лицо, кроме глаз, тоже было закрыто. Глаза выжидающе смотрели на меня.

К местным несколько экзотическим нарядам я уже почти привык за этот день и все же некоторое время собирался с мыслями, молча рассматривая розового незнакомца. Одеяние зашевелилось, и показалась волосатая рука, сделавшая приглашающий жест. Розовый медленно повернулся и поплыл вглубь квартиры.

Выбрать пока не приходилось, и я шагнул следом.

Обстановка комнаты, в которой я очутился, была не слишком богатой: посредине стол, у стены широкий низкий диван с веселой желто-розовой обивкой, большой видеозэкран на подоконнике и несколько газет на полу. В прихожей я успел увидеть еще три двери – вероятно, в другую комнату, на кухню и в санузел.

– Садись, незнакомец, – пророкотал Розовый неожиданно густым басом. – Садись и послушай о Розовой земле, куда скоро все мы попадем.

Такое начало меня не очень обрадовало. Бред, кажется, грозил продолжаться. Но выбора все-таки пока не было.

Я еще раз оглядел комнату, надеясь обнаружить не замеченный раньше стул, но не обнаружил. Тогда я присел прямо на край стола. Розовый сбросил на пол свое шутовское одеяние и грузно опустился на диван, оставшись в серых коротковатых брюках и белой майке, с которой ухмылялась красноглазая отвратительная рожа. Он оказался довольно пожилым мужчиной с не слишком длинными курчавыми волосами, слегка тронутыми сединой, мясистым носом и широким подбородком. Что-то в нем было от древних восточных владык. Не хватало только ухоженной бороды. Глаза под густыми бровями остановились на мне, а потом Розовый откинулся на спинку дивана, заложил руки за голову и перевел взгляд на потолок.

– Поклоняешься ли ты тому, чье имя нам неизвестно и скрыто под символом Агадон? – спросил он и насторожился.

Вопрос был задан прямо и требовал ответа.

– Нет, – честно признался я, на всякий случай приготовившись быстро подняться. Кто знает, может быть, Розовый не примет иноверцев. – Не слышал об Агадоне.

– Так я и предполагал, – с грустью сказал Розовый. – Не знают, не знают ничего, заблудшие, погрязшие в грехе, и знать не хотят, и не готовятся к переселению в Розовую землю. Что ж, слушай.

Я устроился поудобнее, насколько это было возможно в моих условиях, и напомнил себе, что пока должен принимать любую информацию. Никаких просветов не брезжило, но нужно всегда надеяться на лучшее. Любой бред должен опираться на определенные закономерности и иметь какую-то причину. Эту причину или причины мне еще предстояло отыскать.

– В далеких пространствах есть прекрасная Розовая земля, созданная тем, чье имя неведомо никому и скрыто под символом Агадон, – воздев руки к потолку, торжественно загудел Розовый, и я поверил, что от звука труб действительно могли рухнуть стены иерихонские. – Она далеко, но не в том смысле, как ты думаешь. До нее не добраться, пока жив и здоров, и тратишь дни свои на праздные занятия, на тщетную суету и нелепые дела. Зато души умерших могут мгновенно перенестись туда, опуститься на розовые луга, где не смолкает музыка.

Ага, сказочка знакомая... Рассказчик из Розового, в общем-то, был неважный, потому что говорил он с излишней аффектацией, не говорил, а вещал, словно действительно изображал восточного владыку в провинциальном театре. Да еще и подвывал в конце фраз.

– Души умерших водят там хороводы, прославляя всемогущего, чье имя скрывается под символом Агадон, давшего им по милости своей вечное блаженство.

Розовый опустил руки и помолчал, переводя дух. Я с тоской подумал о том, что давным-давно ничего не ел.

– Благодетель наш милостив – и дает приют любому, пусть при жизни он доброго слова не стоил. Все, все попадем в Розовую землю, и всем наконец-то будет хорошо и спокойно. И счастлив я, что появились уже слуги Агадона, что здесь они, среди нас... – Розовый понизил голос и оглянулся на окно. – Но я знаю больше. Намного больше любого. Настанет день, когда Розовая земля превратится в бездонную яму, и души наши провалятся туда. А что будет дальше – я пока не ведаю, но каждый час жду прозрения, жду, когда придет дальнейшее понимание, и увижу я внутренним взором всю нашу судьбу.

Представление, кажется, окончилось. Мои барабанные перепонки отдыхали, а перед глазами стоял хорошо прожаренный бифштекс.

Все эти словоизлияния показались мне не очень интересными, куда им до того же Иоанна Богослова, хотя кое-какие любопытные моменты в них все-таки были. Ну, скажем, слова о слугах Агадона. На всякий случай я их запомнил.

– Я знаю больше всех, – с грустью повторил Розовый, – потому что верю в того, чье имя скрыто под символом Агадон, и хочу, чтобы другие тоже поверили. – Он вздохнул и с надеждой посмотрел на меня. – Уверовал ли ты, незнакомец?

Я уклончиво пожал плечами и произнес в пространство:

– Интересно, а дают там поесть этим душам, в Розовой земле?

Этот Валтасар печально посмотрел на меня, с криком сел прямо и понуро уставился на грязный коврик у дивана.

– Разве души нуждаются в еде?

Ох, как укоризненно это прозвучало!

Розовый тяжело поднялся с дивана и скрылся за дверью.

Я подошел к окну и посмотрел на улицу. Вдоль тротуаров все так же бежали светящиеся полосы, кто-то, покачиваясь, вышел из-за поворота и скрылся в темном подъезде напротив. Горели десятка полтора окон, и черное безглазое небо обессиленно висело на крышах домов.

За спиной скрипнула дверь.

– Ешь, незнакомец. – Розовый протянул мне тарелку. – Ублажи тело, порадуй душу, недолго уже осталось.

– Что – недолго? – спросил я, принимая тарелку. Там же лежала и вилка.

– А! – Розовый махнул рукой и вновь опустился на диван. – Будто не знаешь. Уверуй в покровителя нашего и ни о чем не думай.

С содержимым тарелки я справился очень быстро – это было что-то мясное и весьма вкусное, – и меня сразу потянуло ко сну.

– Спасибо, – с чувством сказал я.

– Чего там! – Розовый опять махнул рукой. – Ступай своей дорогой и помни о Розовой земле. Готовься.

– К чему?

Розовый поскреб оскаленную рожу, украшающую его майку, и ничего не ответил.

Ладно. Пора отдохнуть от этого царства абсурда. Может быть, действительно утро окажется мудренее вечера и что-то прояснит?

– Где-нибудь поблизости можно переночевать?

– А чего ж, – охотно ответил Розовый. – Жил тут рядом один, да испугался, подался куда-то. Заходи и ночуй, там не заперто.

Без своих театральных ужимок Розовый производил впечатление вполне нормального человека. Я хотел спросить, чего же испугался сосед, но передумал. Кажется, некоторых вопросов тут не любил.

– Еще раз спасибо, – сказал я и направился к двери. – До свидания.

– Ага, – кивнул Розовый. – Подумай об Агадоне.

Я вышел на лестничную площадку. Мне показалось, что ниже, там, где лестница делает поворот на первый этаж, шевельнулись какие-то тени. Я, не раздумывая, толкнул соседнюю дверь – за ней сразу вспыхнул свет, – вошел, быстро защелкнул замок и прислушался. Все было тихо.

Квартиру я обследовал довольно подробно, потому что, возможно, ей предстояло на некоторое время стать моим жильем. Если, конечно, не вернется испугавшийся чего-то хозяин.

Жилище состояло из двух захламленных комнат и маленькой кухни с овальной дверцей продуктопровода и рядами кнопок на белой стене. В санузле почему-то прямо на полу под душем стоял оранжевый телефон без диска, а раковину загромождали пустые бутылки. В унитазе плавал окурочок. В одной из комнат располагались сразу два дивана. В углу из-под груды тряпок виднелся экран видео. В другом углу покоилась горка грязных тарелок и лежал обрывок газеты со скрюченными окурками. В соседней комнате у окна стоял стол, заставленный непечатными бутылками с уже знакомыми по санузлу этикетками, два стула, перевернутый пуф и еще один диван. Настенная полка была беспорядочно забита нераскрытыми пачками сигарет. Еще в квартире было очень много разного тряпья, разбросанных по полу легких смятых стаканчиков, каких-то разноцветных оберток и прочего хлама. В воздухе застоялся тяжелый запах табачного дыма. Нельзя сказать, что квартира мне очень понравилась, но идти куда-то в поисках другой не было ни желания, ни сил. Слишком много впечатлений принес этот день.

Я распахнул все три окна, неожиданно обнаружил в стенном шкафу чистое постельное белье, разделся, выключил свет и с наслаждением растянулся на диване.

За окном было очень тихо. Я лежал на спине, подложив руки под голову, и перед глазами кружили образы прошедшего дня.

Путь по равнине был очень долгим. Я шел под низким серым небом, спотыкаясь о камни, и вглядывался в горизонт в надежде увидеть Город.

И наконец добрался до него. И уже на первом перекрестке Город преподнес свой первый жутковатый сюрприз. Эти двое сидели прямо на тротуаре, парень и девушка, оба длинноволосые, босоногие, в одинаковых синих брюках и рубашках-безрукавках. Вначале мне показалось, что парень целует девушке руку, но, подойдя ближе, я понял, что ошибаюсь. Глаза их были абсолютно бессмысленными, и рядом с ними, на тротуаре, лежал короткий окровавленный нож.

Я стоял, не веря своим глазам. Парень повернулся ко мне, проворчал что-то нечленораздельное, оторвавшись от бледной руки своей партнерши, и кровь пузырилась на его губах и стекала по подбородку. На руке его маленькой дугой краснел след чужих зубов. Прямо на тротуаре, в окружении безмолвных серых домов, не таясь, сидели какие-то вампиры, и лица их были отрешенны и страшны.

Я шел, не решаясь оглянуться, потому что боялся не сдержать эмоций. Тянулись одинаковые серые кварталы, уходили назад одинаковые безлюдные перекрестки, и менялись лишь большие черные надписи на стенах домов, строго через каждые три квартала: «сектор 7», «сектор 8», «сектор 9»...

И нигде никакого подобия травы, деревьев, цветов. Только серый асфальт и серые стены домов.

Я забирался все дальше вглубь Города, и навстречу начали попадаться люди. Прошел, пошатываясь и держась за стену, бородатый парень с мутными, вряд ли что-нибудь видящими пьяными глазами, вышла из-за угла немолодая женщина с усталым лицом. Я спросил ее, как добраться до мэрии (если здесь она называлась именно так), но она посмотрела сквозь меня и неторопливо пошла дальше, и глаза ее были такими же бессмысленными, как у двух вампиров, оставшихся позади. Еще один небритый парень лежал навзничь прямо посреди дороги и спал, улыбаясь серому небу. У подъездов тихо возились с игрушками дети.

Четырнадцатый сектор подарил мне очередное звено в цепи абсурда. Прямо под окном второго этажа, привязанный веревкой за поднятые руки и опираясь ногами на еле заметный выступ в стене, полувисел старик с красным сморщенным лицом. Когда я поравнялся с ним, старик неожиданно подмигнул, сплюнул и загадочно сообщил:

– Вчера было пять, а сегодня четыре. Уходят! А как ни одного не останется – ух и трах-нем! Меньше – лучше... – И опять ловко сплюнул мне под ноги.

Цепь продолжала расти. Спустя некоторое время мне было преподнесено новое звено. Из подъезда быстро вышла девушка – и я невольно остановился. Она шла прямо на меня, то и дело откидывая назад длинные золотистые волосы, пышным ореолом взлетающие над плечами, совершенно нагая, если не считать одеждой белые туфли на высоких каблуках.

– Привет! – Она подняла руку и очень мило улыбнулась. – Нам не по дороге?

Мой черный комбинезон не вызвал у нее никакого удивления. Потом я понял, что одеваются тут кто во что горазд, согласно собственным фантазиям. Или и вообще не одеваются, как в данном случае.

Впервые за все время моего долгого пути спрашивал не я, а меня. Это давало некоторую надежду. Я решил не смущаться необычностью ситуации, хотя мое мужское естество среагировало на эту красавицу. Сумев все-таки кое-как справиться с собой, я торопливо спросил, как пройти к мэрии. И к моему удивлению, сия новоявленная леди Годива охотно мне все объяснила. Махнула рукой на прощание, как старому хорошему знакомому, и пошла дальше плавной походкой, слегка покачивая великолепными бедрами, демонстрируя великолепные ягодички, откидывая назад золотистые волосы и, вероятно, совершенно уверенная в том, что именно в таком виде и надо ходить по улицам Города.

Мэрия оказалась абсолютно таким же безликим зданием, как и стоящие рядом. Обыкновенный подъезд без какой-либо вывески, обыкновенная дверь на первом этаже. За дверью простирался большой пустынный зал с рядами кресел. Пол был захламлен обрывками газет, кое-где под креслами и на креслах валялись пакеты с растрепанными бумагами. Складывалось впечатление, что этими коричневыми пакетами швыряли друг в друга люди, когда-то (вчера или сотню лет назад?) заседавшие в этом зале. В одной из стен находились десять или одиннадцать одинаковых, с завитушками, массивных высоких дверей. Я добросовестно по очереди открыл каждую из них и убедился, что проделал длинный путь напрасно. В просторных кабинетах наличествовали широкие полированные столы и стулья, длинные стеллажи вдоль стен, заваленные бумагами, черные, белые и оранжевые телефоны, аккуратные письменные приборы, объемные фотографии явно земных пейзажей и городов, элегантные белые сейфы, безупречно чистые корзины для мусора и толстые ковры.

Одного не было в этих имевших очень деловой вид кабинетах. Не было людей, и толстый слой пыли на столах и разноцветных папках говорил о том, что ушли они отсюда не вчера и даже не неделю назад.

Впрочем, один из внушительных кабинетов вселял некоторую надежду. Ковер на полу был обильно усеян сигаретным пеплом и окурками, и самое главное – в кабинете еще витала сизая пелена табачного дыма.

Я просидел в пустынном зале больше часа, перебирая бумаги из пакетов, – это были многочисленные документы управленческого и хозяйственного характера, – но тщетно. Тихо и безлюдно было в мэрии, и никто не спешил в кабинет с необъятным полированным столом и бесчисленными окурками.

А потом продолжался путь по Городу, и цепь росла и росла. Я пересек Город, вновь вышел к равнине, и был странный бар, равнодушная девушка, невменяемая троица, парни на перекрестке и розовый поклонник покровителя нашего, чье имя неизвестно никому и скрыто под символом Агадон...

И была еще одна интересная надпись большими буквами прямо на асфальте, от тротуара до тротуара. Надпись была лаконичной и выражала позицию ее автора очень прямо и недвусмысленно.

«Пропади все пропадом!» – гласила надпись.

Я лежал в темноте, вслушиваясь в тишину за окном, еще и еще раз перебирая увиденное и услышанное, и думал, думал... Торопливо падали капли в санузле за стеной, и в такт им стучало мое сердце.

«Ладно, пора спать. Завтра продолжим разбираться», – сказал я себе и закрыл глаза.

Но сразу заснуть не смог. Лежал, слушал шепот капель и чувствовал, как тяжело давит на крыши домов серое небо.

2

Тяжелая дверь с завитушками неохотно поддалась, и я вошел в кабинет. За светлым безбрежным столом сидел человек, окутанный табачным дымом. Человек читал газету. Лацканы его коричневого пиджака и широкий коричневый галстук были покрыты пеплом. Я подождал немного, но человек, кажется, не собирался обращать на меня внимания. Тогда я беззвучно прошел по толстому пружинящему ковру и остановился у стола.

– Здравствуйте. Вы мэр Города?

Человек несколько изумленно посмотрел на меня, словно усомнившись в чем-то, потом отложил газету и потушил сигарету прямо о подлокотник кресла. Видимо, эту операцию он проделывал уже не раз, потому что полированные подлокотники были усеяны черными пятнышками.

Он выглядел так же внушительно, как и его кабинет: крупная фигура, широкие плечи, большое, болезненно желтое лицо, коротко стриженные жесткие волосы, крепкая борцовская шея. И мешки под глазами.

– Садись, приятель, – сказал он с хрипотцой, откинувшись в кресле и сцепив руки на животе. – Ты угадал, я действительно мэр.

Последнюю фразу он произнес с едва уловимой усмешкой.

Я сел на стул возле стеллажей. Мэр покопался в кармане, достал очередную сигарету, прикурил и, не глядя, бросил зажигалку. Она со стуком покатилась по столу и ударилась об оранжевый телефон без диска.

– А ты, надо полагать, на прием пришел, приятель?

– Надо полагать, – ответил я. – Я разведчик с космической базы. Вчера ваша система ПВО без предупреждения разнесла мою капсулу вдребезги. Вот и пришлось добираться пешком. Заходил сюда, но тут никого не было.

Мэр молча выслушал мое сообщение и взглянул на меня без особого интереса. Как Равнодушная.

– С базы... – задумчиво повторил он. – А с чьей базы, если не секрет?

– Это одна из баз планеты Земля. Надеюсь, слышали о такой планете?

– Слышал, слышал, – покивал мэр. И вежливо спросил: – И как там Земля?

– Земля в порядке, – столь же вежливо ответил я. Не нравилось мне его безразличие. –

А что вот у вас здесь происходит? Мы же о вас ничего не знаем. Кто вы, что вы?

Мэр, казалось, думал о чем-то своем. Внезапно он посмотрел на меня с интересом:

– Так ты разведчик, говоришь? И связь у тебя с этой вашей базой есть?

– Нет, – честно признался я. – Связь была в капсуле. Но искать меня, конечно, будут.

– Когда?

Я пожал плечами:

– Ну, уж не завтра, и даже не послезавтра. Но будут обязательно.

Взгляд мэра вновь потух. Он молча сидел и курил и, казалось, забыл обо мне.

– Может быть, вы все-таки хоть что-нибудь расскажете об этом поселении? – сдержанно спросил я.

Мэр потушил сигарету – на этот раз о каблук – и бросил окурочек на ковер.

– Ты думаешь, кому-то это нужно? Ошибаешься, приятель. Не все ли равно?

Кажется, опять начинались загадки и равнодушие. Но я уже знал, что не все в Городе были равнодушными. Были и любознательные. Я прикоснулся к нагрудному карману куртки, и там зашуршала записка.

– Я бы все-таки, с вашего позволения, хотел узнать хоть немного о Городе. – Я решил проткнуть его вежливостью. – Хотя бы в самых общих чертах.

– В общих чертах... – безразлично повторил мэр. – Просто живем мы здесь, приятель. Давно уже живем. Существоем. А что Город? Город как город. Все автоматизировано, все идет по замкнутому циклу. Никаких забот. Только кнопки нажимай. – С каждым словом мэр почему-то все больше мрачнел. – Ни в чем отказа нет, приятель. Заводы-автоматы на окраине, под землей, туда не пройти и не проехать – защита стоит, потому как наше вмешательство машинам вовсе ни к чему. Они и так все делают, как надо. Могу тебе и схему показать, – мэр кивнул на стеллажи, – где-то есть она, только искать надо. Да и зачем тебе схема, приятель? Ясно ведь и без схемы.

– А откуда вы здесь? И почему?

Теперь уже мэр пожал плечами:

– С Земли, откуда же еще. А почему?... Видно, кому-то надо было это, я так думаю. Не я же решал, приятель. Это еще до моего рождения было. Я что – я сижу вот, газеты читаю. – Он бросил взгляд на небрежно отброшенную газету и стряхнул пепел на пол. – Развлечение. А мэр я по наследству, приятель.

Он замолчал, забарабанил пальцами по столу, а потом тщательно потушил очередной окурок о телефон. Я проследил за тем, как он старательно стирает пальцем с телефона черное пятно, и машинально спросил, размышляя над его словами:

– А почему без диска?

Мэр удивленно посмотрел на меня:

– У вас там, на Земле, что – телефонов нет?

– У нас окты.

– А у нас телефоны, – равнодушно сказал мэр и опять закурил.

Это был не человек, а какая-то курительная машина. Я уже задыхался от дыма. Пепел летел на стол, на аккуратный костюм мэра, но он, казалось, этого не замечал. Сидел, развалившись в кресле, с прищуром смотрел на дверь и курил, курил, курил.

– И газеты еще есть, – сказал он с неожиданной злостью. – Проще простого. Поднял трубку и говори о чем угодно – хоть стихи собственные читай, хоть рассказывай, что и где интересного увидел, кто когда напился, да что делал, да кто с кем переспал – все напечатают, а утром получишь на стол вместе с завтраком. Очень удобная штука. Типография, кстати, прямо под нами. Там тоже одни машины.

Судя по всему, газеты ему чем-то здорово насолили. Может быть, кто-то выставил его в неприглядном виде? А он все-таки власть...

Мэр прикрыл глаза, потер ладонью висок:

– Ладно, иди, приятель. Знакомься, развлекайся. Время еще есть.

Его похоронный тон очень напоминал излияния розового поклонника Агадона и вынудил меня задать еще один вопрос:

– Время – до чего?

– Иди, иди, приятель. Прием окончен. Справок не даю.

Общаться со мной он явно больше не собирался, и я не был уверен, что смогу убедить его продолжить разговор.

Я встал и еще раз прикоснулся к нагрудному карману, в котором лежал сложенный вчетверо листок бумаги.

– А где у вас Сад трех покойников?

– Вот это правильно, – одобчительно сказал мэр. – Гулять так гулять. В двадцать первом секторе, приятель.

В безлюдном зале я еще раз перечитал записку, которую подсунули под дверь моего временного жилья. Я обнаружил ее утром, собираясь в мэрию, и сразу вспомнил четверку парней на перекрестке и неясные тени на лестнице.

«Зачем здесь шляешься? Ждем вечером в Саду трех покойников. Не придешь – пожалеешь».

Подпись отсутствовала.

Это было немного смешно и интересно, и я тогда же, стоя у двери, решил обязательно прийти вечером в сад с таким малопривлекательным названием.

Я медленно порвал записку, бросил обрывки под кресло и вышел на улицу.

Итак, давняя неизвестная колония землян. Исход с Земли, скорее всего, тайный, не подлежащий разглашению. Впрочем, надо будет сделать запрос в информаторий – вдруг сохранились хоть какие-то сведения. Причина исхода? Кто-то поставил эксперимент на выживание? Набрали добровольцев, посулив замечательную жизнь под чужими небесами... Или и не добровольцев вовсе... Практическое воплощение идей космической колонизации? Опять же, втихомолку, пока не будет понятен результат... Побег? Многолюдная, технически оснащенная колония, этакий рай, где блага сами падают в руки с нажатием кнопки. Так почему же они не поют, не танцуют, не наслаждаются беззаботной жизнью? Какая заноза сидит в теле Города?...

Я бродил, бродил по близким кварталам и никак не мог сообразить, что же делать дальше. Где искать занозу?

Те же мысли продолжали занимать меня и в моем временном пристанище. Я вышагивал по комнате от стола к дивану и обратно, и легкие стаканчики хрустели под моими подошвами. За окном кто-то бледный и волосатый сидел посреди улицы, обхватив руками острые колени, и уныло свистел, и раскачивался в такт свисту. Небожитель...

Устав от вышагивания по комнате, я прилег на диван и, вероятно, задремал под монотонный свист. Потому что мне привиделась вдруг безобразная бородатая рожа, подмигивающая красным глазом. Рожа соскочила с майки розового поклонника Агадона, нависла надо мной и раскрыла клыкастую пасть. Черные космы упали мне на лицо, я, задыхаясь, рванулся в сторону – и проснулся.

Кровь билa в виски, спина взмокла от пота. Убрав из раковины пустые бутылки, я подставил голову под кран. Оцепенение проходило, на смену ему шли бодрость и уверенность в успехе. Ощувив подъем жизненных сил, я решил использовать его для благоустройства быта и, взяв какую-то тряпку, принялся наводить порядок в квартире.

Сил я не жалел, но все-таки повозиться пришлось порядочно – грязи хватало. Сутки здесь были короче, чем земные, и небо уже потемнело, когда я наконец управился с уборкой, принял душ и с удовольствием отведал яства, преподнесенные продуктопроводом. Райские жители питались совсем неплохо, во всяком случае, не хуже, чем мы на нашей современной великолепной базе.

Как там моя база? Что-то там Зочка подельывает, грустит ли? Снаряжает ли помощь Дитрих? Пора бы им уже и сообразить, что со мной не все в порядке – на дальсвязь-то не вышел. Впрочем, пока доберутся...

Вернувшись в комнату, я услышал за распахнутым окном негромкий скрип. Выглянул на улицу и увидел странную процессию. Во всю ширину дороги в четыре ряда шли женщины в красных плащах с откинутыми капюшонами и в белых перчатках. Они шли медленно, глядя прямо перед собой, молодые, пожилые и совсем дряхлые, каждая держала синюю ленту. Ленты эти, переплетаясь, превращались в канаты, привязанные к черной повозке, которая со скрипом двигалась вслед за ними. Повозка проехала под моим окном, и я хорошо разглядел, *что* лежало там, на небольшой красной подушке.

Там лежали две руки. Две отрезанные по локоть человеческие руки.

Они лежали ладонями вверх, и желтые пальцы были немного скрючены.

Я вышел на улицу, спокойный, как сжатая пружина. Осмотрелся и направился искать двадцать первый сектор.

Через несколько кварталов улицы стали оживать. Люди выходили из подъездов, из-за серых домов. Хлопали двери, шаркали по асфальту подошвы. Люди шли в одном направлении, вглубь серой пустыни Города, туда же, куда шел и я.

Я догнал двух совсем молодых девчонок в причудливых нарядах с множеством разноцветных лент. Девчонки что-то со смехом говорили друг другу, и ленты весело развевались над серым асфальтом.

– Послушайте, где тут Сад трех покойников?

– Он не знает, где Сад трех покойников! – девчонка засмеялась.

Хорошо она смеялась. Беззаботно. Нормальным человеческим смехом.

– Он не знает, где Сад трех покойников! – подхватила другая. – Все идут в Сад трех покойников!

– Сегодня в Саду погреваются ручки!

– И попрыгают ножки!

Девчонки взяли за руки и стремительно полетели по тротуару, и яркие ленты понеслись за ними вслед.

Быстро темнело, вдоль тротуаров вспыхнули знакомые желтые полосы, а впереди, над крышами, забрезжило какое-то радужное сияние. Улица внезапно сузилась, меня стиснули и вынесли на широкую полукруглую площадь. По другую сторону площади, над длинной решетчатой оградой, вращались два огромных разноцветных сияющих шара. За оградой виднелись деревья – деревья! – и люди входили в высокие черные ворота, гостеприимно распахнутые под сиянием огромных шаров.

Сразу за оградой зелень кустов и деревьев прорезали светлые неширокие дорожки. Дорожки разбегались от входа, ныряли в кусты, за которыми плескалось веселое сияние, предвещающее чудесные развлечения. Я шел в людском потоке, радуясь и удивляясь этому неожиданному зеленому озеру, возникшему среди серых стен, и ловил обрывки разговоров.

– ...да, танцевать! Танцевать! Хочу танцевать!.. – задыхаясь, шептали сзади. – Ох, танцевать!

– ...всю ночь выла под окном. А утром и нет никого, только черные следы, – говорил кто-то негромким хрипловатым голосом.

– ...залез на стол и запел пятую песнь отчаяния. А они его стащили за ноги и бутылками по голове, представляешь?

– ...в двадцать шестом. Там, где двое унылых. Помнишь, в той квартире, прямо на подоконнике?...

– ...ничего... Ничего не сделают... Не бойся...

– ...и не надо их жалеть, они же тебя не пожалели? Сегодня сходим, разберемся...

Я обернулся – и не обнаружил людей. Прямо на меня сплошным потоком шли маски – черные и синие, белые и зеленые, желтые и розовые, с прорезями для глаз и рта, – и собственное лицо показалось мне настолько незащищенным, что я невольно поднял руку, словно собираясь его прикрыть.

– Вперед, чего остановился? – пробурчала, обходя меня, высокая маска, и я вновь двинулся вглубь Сада трех покойников.

Шествие масок влекло меня все дальше от входа, возбужденные голоса говорили каждый о своем, над головой празднично разгоралось веселое сияние.

Но чем-то вдруг сад мне не понравился. Слишком неожиданным он был в этом Городе. Я присмотрелся к тускло блестящему стекловидному покрытию между дорожками, изучил очень уж яркую в свете фонарей зелень деревьев, попытался сломать ветку одного из кустов у дорожки – и убедился в справедливости своей внезапной догадки.

Сад трех покойников был бутафорским. Зеленое озеро в окружении серых стен не имело никакого отношения к природе. Видимо, не прижились здесь земные деревья. Если, конечно, пробовали их здесь посадить.

Маски наступали на меня, обгоняли, теснили, подталкивали в спину. Я споткнулся о ступени, поднялся куда-то, повернул вместе со всеми налево, прошел еще немного по узкой дорожке, стиснутый со всех сторон, – и остановился, наткнувшись на спины тех, что были впереди. Люди стояли, вытянув шеи, пытаясь разглядеть что-то, чего не видел я. Я решительно протолкнулся вперед, невзирая на недовольные возгласы, и оказался в первых рядах. Сзади навалились, задышали в затылок перегаром.

Маски квадратом обступили просторный невысокий помост, сделанный явно из синтетика. Посредине помоста полыхал костер – только там горели не дрова, а какие-то брикеты – и возвышалась знакомая черная повозка, окруженная женщинами в красных плащах. Женщины стояли спиной к повозке, взявшись за руки, и печально глядели на нас.

Сзади тяжело вздохнули, и меня вновь обдало перегаром. Толпа неожиданно, как по сигналу, затихла, прекратила разговоры, и в этой тишине под темным безглазым небом слышалось только потрескивание горящих брикетов.

«Сегодня погреемся ручки», – вспомнил я слова веселой девчонки и с трудом подавил в себе желание уйти.

Внезапно в тишине, за спинами женщин, возник чей-то тонкий болезненный то ли вопль, то ли стон, и женщины одинаковыми движениями заученно и четко надвинули на головы капюшоны, повернулись к черной повозке и подняли руки в белых перчатках. Кто издавал эти звуки, я так и не понял.

Вопль нарастал, звенел, множился – казалось, кричит само небо – и вдруг оборвался. И в тишине прозвучал рыдающий голос:

– Да спасут нас руки твои!

– Да спасут нас руки твои! – хором подхватили женщины в красных плащах и медленно шагнули к повозке.

– Да спасут нас руки твои! – торжественно и нестройно выдохнула толпа.

Меня похлопали по плечу. Я обернулся и встретился с туманным взглядом в прорезях черной маски.

– Идем, – сказала маска, вновь знакомо дохнув перегаром. – Мы т-тебя уже заждались.

Мы начали продираться сквозь толпу, а сзади опять раздался вопль: «Да спасут нас руки твои!» – и толпа взволнованно задышала, колыхнулась, подалась вперед в предвкушении зрелища.

Мы пробрались сквозь кусты, спустились по ступеням и оказались на стекловидном, но не скользком пятачке, окруженном деревьями. Здесь поджидали еще двое. Я не сомневался, что имею дело со вчерашними парнями с перекрестка, хотя четвертого они где-то потеряли и изменили наряды. Теперь они были в масках и пестрых трико.

Я остановился, обвел их взглядом и спросил:

– Ну, и что дальше?

– Идем, – угрюмо повторила Первая маска, показала рукой направление и пошатнулась.

Я пожал плечами и неторопливо зашагал в гущу бутафорской зелени. Все это меня смешило и немного злило.

За спиной вновь возник однообразный вопль, оборвался на мгновение и повторился, усиленный десятками голосов. Теперь вопила вся толпа, окружающая Голгофу с черной повозкой, вопила самозабвенно, вопила непрерывно и иступленно, с визгом и завываниями, и я предположил, что отрезанные руки сейчас будут возложены на костер.

Я шел, не оборачиваясь, и только выбрав дерево с толстым стволом, остановился и повернулся к моим маскам. Теперь нападение сзади исключалось, а лицом к лицу с троими я мог справиться. Тем более, что под трико не скрывалось ничего похожего на оружие.

– Слушаю, – сказал я и засунул руки в карманы комбинезона. – Что же вам угодно, господа отдыхающие?

Маски остановились напротив. Были они примерно одного роста, сухощавые и немножко смешные в своих разноцветных трико. Арлекины какие-то.

– Ты полегче! – вызывающе сказала Вторая маска. – А то пожалеешь.

Молодые совсем они были ребята. И задирались по-мальчишески.

– Зач-чем в «Приют» ходишь? – угрюмо процедила Первая маска. – Откуда там взялся?

– В какой приют? – искренне удивился я.

– Бар так называется, – хмуро пояснил третий арлекин. – А то не знаешь!

«Обидно, – подумал я. – Очень обидно».

Судя по всему, ребята приставали просто так. Убивали время. И записку от безделья написали. Почему бы не попугать незнакомца?

Я вынул руки из карманов, сел под деревом и приглашающе похлопал ладонью по бутфорской земле:

– Садитесь, ребята. Устанете стоять.

– А ты что, больно умный? – с вызовом спросила Вторая маска. – Знаем таких умных. Только потом весь ум вылетает. Попробовать?

– Хватит! – оборвал я этого молокососа. – Как бы я не попробовал. Лучше меня не зли, мальчик, иначе крепко схлопочешь. – Я вновь намекая сунул руку в карман. – И будет Сад четырех покойников. Что там у вас еще в программе? Только побыстрее.

Это подействовало. Арлекины сникли. Забава у них явно не получилась. Я посмотрел, как они переминаются с ноги на ногу, и миролюбиво произнес:

– Ладно, ребята, забыли. Каждый развлекается, как умеет.

– Ага! – размашисто кивнула Первая маска. – Вот именно. Все л-лучше, чем вопить, как эти. – Он махнул в сторону площадки, откуда раздавались нестройные крики.

– Всегда весело в Саду трех покойников, – задумчиво изрекла Третья маска.

– Кстати, почему – «трех покойников»? – спросил я.

– Больно умный, а не знаешь, – ехидно засмеялся Второй. – Спал, что ли, все время? Или заливался? Повесились тут трое – вот и получились три покойника.

– А «Приют»-то, между прочим, не просто «Приют», – сказала Третья маска. – А «Приют уходящих в никуда». И не цепляйся ты к ней, ей и так тошно.

Я сразу понял, о ком он.

– Я и не цепляюсь. Да и не больно-то к ней прицепишься.

Разговор исчерпался сам собой. Ребята немного постояли, явно соображая, чем бы еще заполнить вечер, потом Первая маска предложила:

– Пошли к Гол-лубой Танцовщице. Кинем, кто первый с н-ней.

– Пошли, – согласилась Вторая маска, правда, без особого энтузиазма.

– Давайте, ребята! – Я помахал им рукой. – Желаю приятно провести вечер. Пишите еще.

– Скоро напишем, – хмуро пообещал второй арлекин. – Да никто не прочтает.

Они молча направилось к кустам. Вид у них, даже со спины, был сконфуженный. Первый качался все сильнее. Его начинало развозить.

– Запомни: «Приют уходящих в никуда»! – обернувшись, сказал Второй. – В ни-ку-да. – И засмеялся.

Это у него получилось очень похоже на плач.

Маски скрылись, а я еще немного посидел под деревом. Вопли прекратились, где-то заиграла музыка. Из-за кустов иногда доносились голоса, но, в общем, в Саду трех покойников

было тихо. Тихо, как на кладбище. Внезапно совсем рядом громко продекламировали заплетаящимся языком: «И без... и бездумно любя, и бездумно страдая, – «Был ли ты, чел... человек?» – в мрачных водах твердим...» – и кто-то шумно упал в кусты.

«Приют уходящих в никуда»... Название со смыслом. С печальным смыслом. Мальчишки, шалющие от безделья. Идиотский ритуал сожжения чьих-то рук. Сад, в котором повесились три человека. Может быть, рядом. На этом дереве. И все остальное. Какой-то уж слишком печальный рай...

Новых впечатлений мне не хотелось, но и возвращаться в пустую квартиру я не спешил. А поскольку, кроме мэрии и «Приюта», у меня не было других знакомых мест, я решил навестить «Приют». В самом деле, не выслушивать же опять излияния розового поклонника Агадона!

«Не цепляйся к ней...»

Но почему-то мне хотелось цепляться. Мне хотелось найти веретено, о которое укололась эта Спящая Красавица. И отчего ей тошно? От райской жизни?

...В баре все так же змеились спирали, все так же играла медленная музыка, все так же бормотала троица в углу. Равнодушная в прежней позе – голова опущена на плечо, в руке полупустой бокал – сидела в кресле, закрыв глаза. Все в том же черном платье. Правда, она была не одна. За ее столиком восседал некто огромный и бородатый и говорил приглушенным голосом, сжимая в кулаке какие-то листки.

Со здешними нравами я уже вполне освоился, поэтому просто подошел и сел рядом. Ни Равнодушная, ни бородатый даже бровью не повели. Девушка полулежала, перебирая пальцами ножку бокала, а бородатый читал листок за листком и аккуратно складывал их на столике перед собой.

– ...Ее белое платье пронзило мой мозг бесформенным пятном и внезапно обрело очертания дикой радости, – самозабвенно молот бородатый. – Дикая радость струилась в окна сквозь бледный свет пасмурного утра. Я подумал, что день начинается не так уж плохо, если все рассыпается в прах, как яркие вспышки сердцебиений при виде зеленых глаз.

«Вечер кончается не так уж хорошо, – подумал я, – если рядом несут чушь».

Вслух я этого не сказал.

Равнодушная приоткрыла один глаз, неузнавательно-безучастно взглянула на меня и вздохнула. Бородатый, близоруко сощурившись, вцепился в очередной листок.

– Дикая радость моя плавно упала на колени, поплыла кровавым сердцем ожога, и боль от укуса бросила тень на тусклую стену. Все заполнилось легким туманом. «Спасибо», – шепнули сзади, и нежное облачко запорхало прочь, растворяясь под моим дыханием. Я встал и выдернул нож из раны.

Это было, пожалуй, похлеще разглагольствований розового поклонника покровителя нашего, чье имя неизвестно никому и так далее. Бородатый смело продирался сквозь дебри слов.

– Я ускорил шаги, окунувшись лицом в шершавый асфальт. Дикая радость звала меня теплой влагой. Горестный вой уходящего дня плеснул мне под ноги звонкую песню уныния.

Бородатый замолчал, начал рыться в своих листках. Видно, не мог найти продолжения.

– По-моему, такое уже где-то было, – сказал я. – Что-то в этом роде.

Бородатый еще некоторое время машинально перебирал листки, потом сунул их все в карман, с грохотом отодвинул кресло и поднялся. Только теперь я по-настоящему оценил, какой он огромный. Прямо не человек, а памятник, сошедший с пьедестала.

– Дур-раки! – выразительно и громко сказал бородатый. Равнодушная вздрогнула, и даже троица в углу, кажется, на мгновение прервала свое однообразное занятие. – Все вы дураки!

Он прошел к выходу, ступая, как статуя командора. И прежде чем хлопнуть дверью, оглушительно добавил:

– Завтра прочитаете в газете!

Ну да, вполне возможно. Ведь говорил же мэр, что каждый волен поместить в газете все, что ему вздумается. Любую чепуху... Стоп!

Стоп. Вот ведь он – источник.

Я непроизвольно вцепился в подлокотники кресла. Я боялся, что догадка окажется неправильной. Что источник совсем не тот.

– Здесь есть газеты? – спросил я охрипшим от волнения голосом.

Девушка слегка повела плечом и ничего не ответила.

– А дома у тебя есть? Читаешь газеты?

И тут произошло неожиданное. Равнодушная отшвырнула бокал, так что он со стуком покатился между столиками, сузила глаза и надрывно прошептала:

– Да! Да! Есть газеты. – Шепот перешел в злой крик. – И я их читаю!

Я моментально очутился на ногах. Отыскалось-таки веретено!

– Пойдем, покажешь.

– Ну что ты ко мне привязался? Что вы, уроды, все ко мне привязались? Что тебе надо от меня?

Может быть, я поступал жестоко, но по-другому не мог. Я схватил ее за руку и заставил подняться:

– Идем!

Девушка смотрела на меня, закусив губу, и в глазах ее плескался испуг. И, честное слово, испуг этот был гораздо лучше равнодушия.

Я потянул ее к двери. Она попыталась сопротивляться, но я держал крепко, и она вдруг покорно пошла, то и дело со злостью и испугом взглядывая на меня.

Оказывается, Равнодушная жила прямо над «Приютом уходящих в никуда». Мы торопливо прошли через пустую прихожую в комнату. Она тоже была пустой, если не считать одинокого привычного видео, покрытого пылью. Еще одна дверь привела в следующую комнату. Там стоял низкий столик, окруженный зелеными креслами, и на столике – бокал с недопитым рубиновым содержимым. И слепая черная маска у бокала.

Комнаты шли анфиладой, одна за другой, и все были почти пустыми. Зато последняя, шестая или седьмая по счету, своей обстановкой с лихвой окупала все предыдущие.

Я остановился на пороге, потому что не знал, как пройти дальше, а девушка начала пробираться к окну, закрытому тяжелыми багровыми портьерами. Мне бросилась в глаза массивная кровать под багровым же балдахином, достойным покоев королевы. Около нее располагалось низкое кресло. На его спинку было наброшено длинное фиолетовое платье. По другую сторону королевского ложа, занимающего добрую половину комнаты, стояло овальное зеркало на вычурных изогнутых ножках. На зеркале переливалась всеми цветами радуги обильная россыпь различных флакончиков, тюбиков и коробочек, которых было, по-моему, вполне достаточно для превращения в принцессу любой Золушки. Другой угол занимало роскошное кресло-качалка. Под ним валялась книга с яркой обложкой. Рядом, на полу, возле столика на колесах, стояла высокая ваза, весьма похожая на что-то античное, земное. У самой двери пристроился круглый стол, и весь этот хаос дополняли несколько стульев с разбросанными на них разноцветными масками для вечерних прогулок по Саду трех покойников.

На всех предметах лежал отпечаток небрежности. Королевский балдахин прорвался в некоторых местах, зеркало пересекала трещина, на великолепной вазе висели белые трусики, а на круглом столе стояли черные туфли.

Кто-то явно притащил всю эту роскошь с Земли. Не здесь же ее делали? Судя по этому, да и по размерам квартиры, Равнодушная была внучкой или правнучкой кого-то, стоявшего по статусу выше многих других колонистов. Хотя я мог и ошибаться.

Девушка пробралась к окну, скрылась за портьерами и чем-то зашелестела. Я прислонился к стене и ждал.

Она появилась из-за портьер, прижимая к груди кипу газет:

– На, читай! Вычитывай, если тебе делать нечего!

Она швырнула газеты в мою сторону, и они с шорохом полетели через комнату, легкими бело-черными птицами падая на стулья. Девушка сбросила с кресла фиолетовое платье, села и молча смотрела, как я собираю их.

Я тоже сел в кресло-качалку, положил газеты на колени и принялся одну за другой их изучать. Я верил в свою догадку.

Мэр был прав. Небольшие листки вмещали массу всякой дребедени. Я быстро скользил взглядом по заголовкам и строчкам – и, кажется, наконец нашел то, что искал.

Я несколько раз перечитал короткое сообщение с подписью «Печальные Братья», вдумываясь в его смысл, торопливо перелистал несколько номеров и нашел еще. И еще...

Несколько строк и подпись: «Печальные Братья».

Печальные Братья... Вот они, слуги Агадона.

Я медленно поднял глаза на девушку. Она сидела, съежившись, подобрал под себя ноги, словно ей было очень-очень неудобно, и с болью и сочувствием смотрела на меня.

– Так вот чего ты боишься, – тихо сказал я. – Так вот чего вы все боитесь...

И тогда девушка зарыдала.

3

Сквозь окно в комнату робко вползало серое утро. Я лежал на диване, слушал храп, доносящийся из другой комнаты, и размышлял.

Источник был найден, но это теперь почти ничего не значило. Слишком мало оставалось времени.

Слишком мало.

И вот ведь какая штука: существовал автоматизированный рай, в котором удовлетворялись все материальные запросы. Можно жить припеваючи? В том-то и дело, что нет. Не складывалась такая жизнь. Не получалась...

Вчера, вернувшись от Равнодушной, я застал в квартире полубезумного старика. Того, что ушел отсюда, напуганный несколькими строками в газете.

Старик сидел на диване, хихикал и торопливо жевал. Весь диван был заставлен тарелками. Он стребал их содержимое рукой, заталкивал в рот и бросал тарелки на пол. Он тряс седой головой, в бороде его застряли хлебные крошки. Он давился, с трудом глотал, хихикал и снова тянулся к тарелкам.

Зрелище было не из приятных, но Город уже кое-чему меня научил. Я прошел в комнату, сел на диван напротив старика и негромко поздоровался.

Старик хихикнул, уставился на меня, перестал жевать и вытер костлявую ладонь об истрепанную рубашку, неряшливо заправленную в перепачканные землей брюки. В его красноватых глазках мелькнул ужас.

– Опять пришел! – пробормотал старик, стараясь закрыться ладонью. – Еще не время... Знаю, так и норовишь за ноги подвесить! – вскричал он и вдруг глаза его потухли.

Он схватил очередную тарелку и запустил в нее руку. Несколько раз хихикнул и заговорил вполне нормально.

– Проголодался, – пожаловался он, вытирая бородой губы. – Страшно там как-то. Трава да камни – больше ничего. Спрятаться негде. Там страшно, здесь страшно. Так лучше здесь помирать.

Этой темы мне касаться не хотелось. Я уже знал, чего все они ждут.

Выглядел он лет на восемьдесят, и вполне мог помнить побольше мэра. Меня немного смущало его беспричинное хихиканье, но я все-таки решил попытаться. Он, кажется, наконец-то наелся, громко икнул и сгорбился, продолжая трясти головой. Потом вскочил, заставив меня усомниться в его возрасте, вытащил из-за дивана полупустую бутылку и сделал несколько торопливых глотков. Вновь сел и уронил руки на колени.

– Откуда вы все здесь взяли? Откуда взялся Город? – спросил я без особой, правда, надежды на вразумительный ответ.

– Откуда, откуда, – забормотал старик и погрозил мне костлявым пальцем. – Знаю, за ноги хочешь подвесить, да не выйдет! Не пришел срок! Ходит, высматривает, вынюхивает... Не выйдет!

– Не выйдет, не выйдет, – успокоил я его.

– Откуда, откуда, – снова забормотал старик. – А очень просто – откуда. С Земли-матушки, откуда же еще нам взяться? Загадили Землю-матушку, испоганили, задыхаться начали – вот и набрали подопытных кроликов. Не подходи! – Старик опять попытался заслониться ладонью и, с ужасом глядя на меня, отодвинулся на край дивана. – Рано еще за ноги!

Он сидел, забившись в угол дивана, тряс головой, плакал и хихикал, бормотал что-то себе под нос, настороженно косился в мою сторону и шарил вокруг костлявыми пальцами. Наконец нашел под собой смятую пачку сигарет, вытащил одну, щелкнул извлеченной из кармана брьюк

зажигалкой и жадно закурил, выдыхая клубы дыма. Я подумал, что придется опять открывать все окна. Или искать другое жилье.

Значит, все-таки опыт по космической колонизации. Вдали от обреченной Землянушки. Подопытные кролики... А Земля-то все-таки выжила. Но колония осталась, тайная, забытая колония, продукт давнего опыта, попытка претворить в жизнь давно уже списанную в архив теорию... Да, наши базы тоже находились вне Земли, но мы не жили там, мы там работали и знали, что обязательно вернемся назад. Потому что человечество должно жить на Земле, а не среди звезд... Только на Земле.

Потом старик уснул, неловко сложив руки, и его морщинистое лицо даже во сне было испуганным и утомленным. Я подсунул ему под голову подушку, открыл окно, погасил свет и ушел в другую комнату.

Город, Город, рай среди чужой равнины... В нем жили люди, которым не надо было думать о крове и пище, у которых были все блага земные. В нем жили люди, освобожденные от каждодневных забот – и кому-то такая жизнь надоела.

Да, кому-то очень наскучила беззаботная жизнь. И этот «кто-то» или эти «кто-то» решили навсегда с ней покончить.

Печальные Братья.

Однажды в газетах появилось несколько строк с подписью: «Печальные Братья». Печальные Братья бесстрастно, без громких фраз и напыщенности уведомляли Город о своем намерении переселить всех желающих, равно как и нежелающих, в подлинные райские кущи. Печальные Братья ничего не сообщали о методах, которыми они собирались осуществить свой замысел. Они отнюдь не угрожали, потому что ничего не требовали для себя.

Они просто *ставили в известность*.

А чтобы никто не забыл об их короткой информации, Печальные Братья педантично, через каждые три дня, напоминали Городу о ждущей его участи. Содержание объявления не менялось. Менялось только время, отделявшее горожан от конца света. Когда до назначенного неведомыми радетьями за судьбы Города срока осталось десять суток, Печальные Братья начали помещать свое напоминание в каждом номере газеты. Это серое утро должно было стать предпоследним в длинной веренице дней.

Потому что они так решили.

Если объявление было шуткой, то шуткой безвкусной и жестокой. Печальными Братями вполне могли оказаться те развлекавшиеся от безделья арлекины, что пытались подшутить и надо мной. То-то посмеются они в день предполагаемого конца света, то-то потешатся! Но если Печальные Братья обещали всерьез облагодетельствовать Город... Не спрашивая никого, не проводя референдума, не интересуясь, совпадает ли их желание с желаниями других, они выступили в роли верховных судей, призванных вынести приговор Городу.

И было это жестоко и печально. И совсем уж плохо было то, что до падения карающего меча оставалось всего лишь два дня.

Всего два дня.

Город перестал быть абсурдом, перестал быть тяжелым бредом, где все совершается без всякой логики, по причудливой прихоти случая. Город перестал быть загадкой.

Но осталось всего лишь два дня. Всего два...

В другой комнате закашлял на диване старик. Я встал и тихо направился на кухню, по пути заглянув к нему. Двери в комнаты я не закрывал, а окна распахнул, чтобы избавиться от дыма. Старик лежал на спине, на тарелках, разбросав руки. Седая борода с застрявшими хлебными крошками была задрана к потолку. Даже во сне он тихонько хихикал.

Продуктопровод, звякнув, выбросил из темной пасти поднос. Я машинально поел, почти не замечая вкуса еды. Голова моя была занята одним: как помешать Печальным Братям? Неизвестно, шутка это или нет. Значит, нужно предполагать худшее. Как спасти всех этих ни в чем

не повинных людей? Плохих ли, хороших – неважно. Спасти *людей*. Возможно, о каких-нибудь инопланетянах я не стал бы так беспокоиться...

...И опять я бродил и бродил по Городу. Серое небо знакомо и обреченно висело над крышами. Стоял на тротуаре пожилой мужчина с перевязанной головой, валялась у подъезда одинокая красная маска.

Как помешать Печальным Братьям?

– Эй, подожди!

Сзади послышался торопливый стук каблуков по асфальту. Я оглянулся. Меня догоняла невысокая полноватая девушка в красном клетчатом платье. Маленькие пушистые шарики на шнурочках прыгали на ее высокой груди в такт шагам. Девушка была черноволоса, ее на удивление большие черные глаза радостно смотрели на меня. Раньше я ее явно не встречал. Впрочем, она, скрытая маской, могла видеть меня в Саду трех покойников. А может, и не видела. С церемониями-то здесь просто.

Девушка остановилась, слегка запыхавшись, и подняла на меня свои удивительные огромные глаза. Она была очень милой, от нее так и веяло домашним уютом.

– Когда я была маленькой, мама заставляла меня учиться музыке, – доверчиво сообщила девушка, трогая меня за рукав. – А я не хотела. Не хотела – и все! – Девушка смешно сморщила нос и улыбнулась. – И все-таки научилась. Пойдем, послушаешь.

Девушка обхватила мою руку, прижалась ко мне, глядела снизу вверх и смеялась. И волосы у нее были очень красивыми, иссиня-черными, блестящими даже без солнца. Их так и хотелось погладить.

– Спасибо. В другой раз, – сказал я, чувствуя, как болезненно сжимается сердце.

– Ты спешишь? Жаль. – Девушка огорченно вздохнула. – Никто не хочет. Ругаются. Не будешь ругаться? – Она опять доверчиво прижалась ко мне.

– Не буду.

– Ну, ладно. – Девушка потянулась ко мне, поцеловала в щеку. – Заходи ко мне.

Она махнула рукой, пересекла улицу и быстро пошла назад, что-то напевая.

Эта встреча на некоторое время выбила меня из колеи, и только пройдя квартала три, я вновь смог вернуться к мыслям о Печальных Братьях.

План Печальных Братьев был прост. Единственным источником продовольствия для Города служил подземный комплекс. Если Печальные Братья сумели каким-то образом туда проникнуть – а я не видел достаточно веских контраргументов, – то они вполне могли отравить все продукты питания именно в день, провозглашенный ими концом света. Или накануне. И отравить надежно, надолго.

Они могли пойти и другим путем. Например, переориентировать систему ПВО и уничтожить Город ракетным ударом. Конечно, можно укрыться на равнине, набрав с собой продовольствия, – но надолго ли его хватит?

Эх, поговорить бы с этими Печальными Братьями... Поговорить... Стоп! Кажется, есть зацепка.

Я поднял голову и обнаружил, что дошел почти до последних домов Города. Теперь нужно отыскать телефон.

Телефон я нашел в ближайшем почти безлюдном баре. Снял трубку – в трубке было тихо – и сказал:

– Мэрия, мэр Города.

Почти сразу послышались далекие гудки, и в ухо ударил неожиданно громкий голос мэра.

– Ну? – невнятно сказал мэр, и я отчетливо представил, как он сидит за огромным пустым столом в безлюдном здании, зажав в губах очередную сигарету, и перед ним лежит газета, неумолимо вещающая о скором окончании срока его полномочий.

– Это я, – сказал я в трубку. – Разведчик с космической базы.

Мэр недовольно сопел, и я торопливо продолжил, боясь, что он бросит трубку, как бросал свою зажигалку и окурки:

– У кого ключ от типографии? У вас?

– Она не закрыта, приятель. От кого ее закрывать? А ты что, вдруг захотел посмотреть на процесс?

– Пожалуйста, никуда не уходите. Я сейчас приду и кое-что вам скажу. Насчет Печальных Братьев.

Сопение оборвалось.

– Хорошо, – неуверенно сказал мэр после долгого молчания. – Жду.

Я положил трубку и направился к выходу из бара. Но уйти не успел. На улице слышались громкие голоса, и в бар ввалилась шумная компания: девушки и парни, несколько мужчин и женщин постарше, пара лысых стариков, все с бутылками в руках, все одетые довольно разношерстно – начиная мешковатыми балахонами и кончая изысканными вечерними туалетами, – все навеселе и все готовые продолжить свое нехитрое занятие. Я хотел пробраться сквозь это шумное нетрезвое сборище, но меня окружили, заставив отступить от дверей, и кто-то уже держал меня за руки, кто-то обнимал за шею, кто-то совал в лицо бутылку и кричал: «Выпьем за освобождение! За скорую гибель!» – а еще кто-то поучающе говорил непослушным языком: «И н-наступит пол... полное р-равенство... Все б-будут одинаковые...»

Я попытался освободиться, но ничего не получилось. Под напором превосходящих сил я вынужден был сесть, и дряблое женское лицо, обильно разрисованное самой разной косметикой, подмигнуло мне пьяными глазами.

– Выпей, ненаглядный! – Бутылка дернулась и застыла у моих губ. – Выпей, а мы еще нальем.

Компания сгрудилась вокруг столика. Девушки и парни положили руки друг другу на плечи, не избавляясь, впрочем, от бутылок, злые, насмешливые, печальные, кривляющиеся, перекошенные лица окружили меня – и внезапно наступила тишина.

Бутылка подрагивала у моих губ. Я медлил – и хрипловатый голос у меня за спиной с пьяным ужасом произнес:

– Глядите! Он не хочет выпить за скорую гибель. Не хочет выпить с нами!

Размалеванная девица с торчащими во все стороны пучками желто-зеленых волос обвела всех полубезумными глазами, пошатнулась и заявила:

– Он из этих... Печальных Братьев!

– Из Братьев! – ахнуло кольцо перекошенных лиц, ахнуло и придвинулось ко мне.

Я вспомнил несчастного Хому Брута и понял, что сейчас меня растерзают без помощи Вия. Их было слишком много, и под влиянием страха и алкоголя они абсолютно потеряли способность здраво мыслить. Ну не калечить же их, расчищая путь к двери! Да и не дадут они мне уйти. Где гарантия, что не забросают бутылками? Кто-нибудь да и угодит по голове, и не раз, и никакая увертливость не поможет. А потом меня просто добьют. Ногами. А оружие мое валялось где-то на равнине, вместе с обломками капсулы...

Я медленно взял бутылку и приложил к губам. Жидкий огонь потек по горлу – я задохнулся и чуть не закашлялся.

– До дна! До дна! – требовал нестройный хор голосов.

Сзади навалились на плечи и часто-часто дышали, а вокруг кривлялись лица, мелькали руки, таранились безумные глаза.

– Пей! Пей! – вопили голоса из преисподней, и я пил, задыхаясь, морщась от жжения в горле, собрав всю волю, – и наконец бросил опустевшую бутылку на пол.

Бутылка покатилась под ноги стоящих вокруг стола, кто-то поднял ее и с силой швырнул в стену. Хорошо, что все-таки не мне в голову. Раздался звон разбитого стекла – и кольцо

начало распадаться. Люди садились в кресла и на пол, и пили, пили, пили... Кто-то плакал, а кто-то хохотал, кто-то запел, а кто-то завизжал и полез ко всем целоваться...

Я наконец немного отдышался и хотел встать, но женщина в короткой распахнутой куртке забралась ко мне на колени и крепко вцепилась в шею. Я опять увидел искаженное, разукрашенное косметикой лицо и густо обведенные чем-то фиолетовым пьяные полубезумные глаза. Под распахнутой курткой жалко висели желтые дряблые груди, испещренные какими-то абстрактными узорами.

– Хор-роший... Хор-роший... – забормотала женщина, прижимаясь ко мне. – Где же ты, хор-роший, раньше был?

Я сидел, согнувшись, потому что сзади на мне висел еще кто-то.

– Хор-роший... Хор-роший... – бормотала женщина, покачивая головой. Глаза ее то и дело непроизвольно закрывались. – Мы им... еще покажем...

Я осторожно попытался избавиться от нее, стараясь оторвать ее руки от своей шеи, и это мне удалось. Женщина сползла с моих коленей и с хохотом упала на одного из парней, сидящих на полу у столика. Я попробовал стряхнуть со спины второго – и это мне тоже удалось. За спиной рухнули на пол. Я обернулся и обнаружил худощавого парня в синей майке. Парень навзничь лежал с закрытыми глазами и часто дышал, пуская слюни.

Бутылки поднимались и опускались, как части какого-то дикого механизма, столики были уставлены бокалами, вокруг бормотали, визжали, смеялись и просто молча сидели, уставившись в пол, полубезумные люди, а у входа катался между столиками, сорвав с себя чуть ли не всю одежду, какой-то тип с багровым лицом. Качался и плыл хоровод искаженных лиц, суеящихся рук, разинутых ртов, выпученных глаз, растрепанных волос...

– А чтобы распознать, замани его к себе и свяжи, – бормотал парень у моих ног. – Стащи с него штаны и врежь прямо в пах, и посильней. Вот тогда эти знаки и появятся...

– Нет! Нет! Не хочу-у! – визжала, забившись в угол, пьяная девчонка, пытаясь натянуть на голову подол платья. – Прочь! Все прочь!

Лысый субъект, спотыкаясь о лежащих людей, добрался до столика, полез на него, опрокинув недопитые бокалы. Но его с хохотом стащили, и он упал и заплакал, вытирая разбитые губы.

– О! О-о!.. – стонала женщина с фиолетовыми глазами. Она полулежала, раскинув ноги, привалившись к хмурому парню, и с неумолимостью маятника подносила одной рукой к губам бутылку, а другой лихорадочно что-то делала у себя под юбкой. – О-о! Не могу! Сгорю! Ох и жжет!..

– Нет, послушайте! – закричал толстяк с лиловой физиономией, становясь коленями на кресло. – Послушайте, вы, непосвященные!

Его не слушали, но он опять завопил, стараясь перекрыть сумятицу голосов, хохот, стоны, визги и крики:

– Я жил в чудесном мире, слушайте, вы!.. Однажды я услышал глас божий с небес и пошел на поиски Всемогущего Отца. Люди из страны Ка-Бир дали мне корабль, и я долго скитался по водной глади, держа путь в священную страну Дар.

К толстяку начали поворачивать головы.

– Уже видны были берега желанной земли, – толстяк перестал орать и заговорил нараспев, все тише и тише, – но страшное чудовище, держащее мир, заволновалось, забило хвостом по водам океана, и свирепая буря вдребезги разнесла корабль. И все же глас божий не зря вещал над моим жилищем. Океан выбросил меня на берег целым и невредимым. Долго брел я, удаляясь от океана, и наконец настал день, когда в глубине равнины выросла гора Эрадат.

У толстяка оказалось несколько слушателей, остальные потеряли к нему интерес. Более того, в другом конце бара на стол забралась растрепанная женщина в зеленом переливчатом платье и начала что-то говорить, то и дело показывая руками на пол.

– Забыв о зное и усталости, я бросился вперед, – окрепшим голосом продолжал лиловый толстяк. – И когда кровь Отца пролилась над миром, я достиг предела своих желаний. Я взошел на вершину священной горы Эрадат, опустился на белый камень и достал нож. Кровь брызнула мне в лицо, залила глаза – и вот я с вами...

Последние слова толстяк произнес совсем тихо, понурился и сполз с кресла. Кто-то сразу протянул ему бокал, толстяк залпом опрокинул его, повеселел и крикнул:

– И вот я с вами!

Вокруг нестройно захлопали, а кто-то засвистел. Растрепанная женщина продолжала говорить, но ее голос тонул в хаосе разнообразных звуков.

Я попытался подняться, но понял, что не сумею. Ноги не слушались, тело размякло и стало каким-то тяжелым, стены качались, лица расплывались, превращаясь в бледные бесформенные пятна. Вот чего-чего, а крепко выпивать нас не учили. И, видно, зря...

Я тряхнул головой, с трудом стараясь удержаться в границах осознания реальности. Кто-то сунул мне в лицо бокал, приговаривая:

– Пей, пей – будет легче, будет лучше...

Пить мне очень хотелось, и я с жадностью сделал длинный глоток, – но это оказалась все та же обжигающая жидкость. Над головой засмеялись, и кто-то высоким звенящим голосом затянул нараспев:

– Идут в кромешной мгле... Глаза пустые сонны... Идут в унылой мгле – глаза черны, бездонны... – Голос невыносимым звоном врывается в голову, и голова разбухла и так и норовила опуститься пониже, а то и вовсе отделиться от расслабленного тела. – Уходят в пустоту, не плачут, не смеются... Шагают в пустоту... Зови – не отзовутся... – Голос витал над криками, смехом и бормотанием, и я никак не мог отыскать глазами его обладателя. – За ними монотонно другие прочь, прочь... В колодец тот бездонный, в ночь... В ночь... Уныло, равнодушно шаги звучат... Бредут, бредут послушно... Спят... Спят... И черный свет струится... Свет... Свет... Вернутся ли когда-то? Нет... Нет...

Звонкий голос перешел в крик, и в нем зазвучали слезы:

– Куда идете, люди? Там нет тепла!..

И нестройный хор проревел:

– Одна лишь мгла повсюду... Мгла! Мгла...

«Когда же закричат петухи?» – с трудом подумал я, борясь с головокружением.

Все-таки нужно было вставать, и я сосредоточил все силы на этом занятии.

Не помню, сколько раз я безуспешно пытался подняться, и в конце концов мне это удалось. Вокруг кривлялись бледные и багровые рожи, словно соскочившие с майки поклонника Агадона, прыгали по столам, подмигивали из-под кресел, мертвыми глазами смотрели с пола. Я пробирался к выходу, придерживаясь за столики и кресла, и до меня то и дело с разных сторон доносилось бормотание:

– ...жили долго и беззаботно... И умерли в один день...

– ...а он уже холодный...

– ...бросились бежать и провалились... Яма, а в яме огонь бледный...

Бр-р? Когда же закричат петухи?

Дверь не хотела поддаваться, но я все-таки справился с ней и выбрался на улицу. Куда идти? К старику? Нет, надо искать другое место для ночлега...

Я брел, и в голове моей неотвязно звучали грустные слова:

«Куда идете, люди? Там нет тепла... Одна лишь мгла повсюду... Мгла... Мгла...»

Я шел бесконечно долго, осторожно отталкиваясь от стен, спотыкаясь о неровности тротуара. Кстати, зачем им здесь тротуары? Никакого транспорта я в Городе не встречал. Мысль мелькнула и ушла, и я наконец свернул за угол. Чуть не упав, вошел в первый же попавшийся подъезд, потолкал двери, но все они были закрыты. Почти засыпая, преодолел лестницу и,

постаравшись сосредоточиться, ввалился в чью-то квартиру. Стены и потолок качались и расплывались перед глазами. Я пошатнулся и вцепился в дверную ручку – единственную более или менее надежную опору в зыбком мире чужой прихожей.

– Что надо? – спросили откуда-то издалика.

В противоположном конце прихожей стояла, скрестив руки на груди, невысокая светло-волосая девушка в темной рубашке с широким распахнутым воротом и потертых на коленях джинсах. Лицо ее я видел не очень четко, словно она была по другую сторону залитого дождем окна.

Я набрал побольше воздуха и с трудом проговорил:

– Извините... Если я сейчас не лягу спать... то упаду...

Девушка подошла ближе и насмешливо осмотрела меня с головы до ног.

– Оплакиваешь конец света? – спросила она с презрением. – Поминки по жизни устраиваешь?

– Нет, – мотнул я головой и чуть не упал. – Не устраиваю... Это вы устраиваете... Хотя что с вас взять? Подопытные кролики... Жертвы давнего эксперимента...

Девушка прищурила зеленые глаза и как-то по-новому посмотрела на меня. Более внимательно. Изучающе. Я с трудом держался на ногах.

– Кто жертвы эксперимента? Мы?

Ее голос звучал словно из-за стены.

– Куда идете, люди? Там нет тепла... – прошептал я, и перед глазами вновь замаячили кривляющиеся лица. – Мгла...

– Ладно, пошли.

Уже в тяжелом полусне я почувствовал, как девушка взяла меня за руку и потянула за собой. Потом сообразил, что она укладывает меня на диван... Снимает мои легкие ботинки. Ощутил под щекой мягкое прикосновение подушки и моментально погрузился в черный сон... Я падал в черный колодец, и чей-то пронзительный голос торжествующе кричал, нестерпимой болью отдаваясь в голове: «Мгла! Мгла!» – и кто-то хохотал в черной глубине...

4

Свой очередной день в Городе я начал в чужой квартире. Лежал, вспоминая вчерашнее, и с силой тер виски. Голова тупо ныла, во рту пересохло. Делать ничего не хотелось, но я пересилил себя, сел и прислушался. Откуда-то доносились тихие голоса.

Нужно было торопиться в мэрию и попытаться использовать свой, вероятнее всего, единственный шанс в поисках Печальных Братьев.

Обувшись, я неслышно пересек комнату по толстому ковру, открыл дверь и вышел в прихожую. В комнате напротив двери вообще не было. Я, не очень уверенно ступая, направился туда. Разговор там прервался.

– Проснулся? – насмешливо произнесла светловолосая девушка с зелеными глазами, и я с некоторым трудом вспомнил, что, кажется, именно она встретила меня вчера в прихожей.

Девушка сидела за круглым столом и помешивала ложечкой в чашке с коричневым напитком. Она была не одна. Два хмурых парня склонились над чашками по обе стороны от нее, а третий сидел ко мне спиной. Спина была широкая, плотно обтянутая белым свитером. Свитера были и на двух других парнях, у одного зеленый, у другого синий. И вообще эти двое очень смахивали друг на друга слегка вьющимися каштановыми волосами, резко очерченными упрямыми ртами, крепкими подбородками.

– Здравствуйте. Проснулся, – несколько смущенно ответил я.

– Садись, – сказала Светловолосая, отодвинула стул и выпорхнула из комнаты.

Пока я устраивался за столом, чувствуя себя неловко в этой бессловесной компании, она вернулась и поставила передо мной чашку.

– Помогает от головной боли, – с усмешкой пояснила она и вновь села на свое место.

Некоторое время все мы молча отхлебывали из чашек. Я украдкой взглянул на парня в белом свитере. У него были задумчивые и в то же время какие-то злые глаза, вздернутый нос и пухлые, почти девичьи губы.

– Бери. – Светловолосая придвинула ко мне тарелку с бутербродами, и снова наша трапеза потекла в полном молчании.

Мы завтракали так тщательно и неторопливо, словно у нас была уйма времени, и словно на подоконнике не лежала свежая газета со знакомым сообщением, напечатанным крупным жирным шрифтом.

Наконец Зеленый и Синий отодвинули свои чашки, положили руки на стол и вопросительно посмотрели на девушку. Светловолосая аккуратно поставила чашку точно в центр блюда и уперла подбородок в ладони. Белый продолжал неторопливо жевать бутерброд.

– Ну, так что ты говорил о жертвах эксперимента? – спросила Светловолосая, внимательно рассматривая меня зелеными глазами.

– А разве я что-то говорил?

Провал в памяти был почти абсолютным.

– Говорил, говорил, – медленно покивала Светловолосая. – Я вот пригласила послушать. – Она по очереди обвела взглядом насупленных парней.

Дело принимало занимательный оборот. Оказывается, в Городе кого-то еще что-то интересовало! За день до конца. Ну что ж, если есть желающие...

Я коротко поведал о теории колонизации иных миров, и о том, как эта теория воплотилась на практике. Слушали меня внимательно, хотя Синий и кривил скептически губы.

– Город – подтверждение справедливости положения если не о биологическом, то о социальном вымирании малых групп. Даже в автоматизированном раю. И в конечном итоге появляются Печальные Братья, решившие покончить с медленным угасанием одним ударом.

Хотя, может быть, они избрали не самый лучший вариант, – подвел я итог и замолчал.

Мои слушатели переглянулись, но ничего не сказали. Девушка бросила быстрый взгляд на газету.

Белый потер лоб и спросил:

– Что же ты предлагаешь? Какие варианты?

Голос у него был надорванным, словно вчера он много и громко кричал.

– А вот об этом будем думать вместе, и вы, и мы.

Светловолосая резко дернула подбородком:

– Кто это – «мы»? Ты что, из другого теста?

– Я с Земли.

– Ах, с Земли? – Зеленый засмеялся. – А я-то грешным делом думал, с какого-нибудь Сириуса.

– Не с Земли ты, парень, а с похмелья, – процедил Синий.

– Не знаю, откуда ты этого нахватался, но догадываюсь, – сказал Белый. – Книги тоже нашли кое-где. В каком доме просидел-то столько? Я тебя и не видел никогда. Ты вроде неглупый, и должен понимать, что ничего уже не изменишь. Даже если бы ты на самом деле был с Земли. Мы-то Земле не нужны, и любая помощь будет бесполезна.

– Мы от вас не отстанем, – сказал я и встал. – Если есть желание – можете прогуляться на равнину. Там обломки моей капсулы. Спасибо за угощение.

В прихожей меня догнал вопрос кого-то из них:

– А где искать-то эту твою капсулу-капсулу?

В вопросе мне послышалась насмешка, и я быстро вышел, хлопнув все-таки на прощание дверью. Я не мог терять время на ненужные разговоры. У меня его почти не было.

...Кабинет мэра оказался пустым. Сиротливо валялись пакеты вдоль стены, полированная пустыня стола была усеяна пеплом, ковер по-прежнему украшали многочисленные окурки. И количество их явно увеличилось, стремясь к бесконечности...

Я вышел в коридор, планомерно обследовал помещения и наконец нашел то, что искал – лестницу, ведущую в подвал. Спустился по ступенькам, толкнул дверь и осмотрелся.

Маленькая узкая комната была битком набита аппаратурой. На стене висела схема, сложного в ней ничего не было, и я довольно быстро разобрался, что к чему. Извлек из кармана универсальный ключ, который всегда носил с собой, и вскрыл корпус приемника – в общем-то, там подошла бы и обыкновенная отвертка. Сел у стены и стал ждать.

План мой был прост. Он пришел мне в голову еще вчера. Я очень рассчитывал на педантичность Печальных Братьев. Собственно, мне больше не на что было рассчитывать. Печальные Братья обязательно должны были позвонить сегодня и в последний раз дать материал для завтрашнего, тоже последнего, номера газеты. Я очень рассчитывал на педантичность Печальных Братьев. Я прекрасно понимал, что это последний шанс. Последняя попытка если не спасет Город, то хотя бы отсрочить приведение приговора в исполнение. Я должен был постараться убедить Печальных Братьев.

Надежда, конечно, слабая...

Медленно, в полной тишине, тянулись минуты. Я сидел, уронив голову на руки, и надеялся на чудо. Минуты неторопливо складывались в часы, и я почему-то представлял себе огромную белую перчатку, парящую в беспросветном сером небе. Перчатка методично передвигала костяшки на старинных счетах, и они медленно растворялись в унылой серости.

Мне вспомнился старик, подвешенный за руки под окном, и стали понятны его слова. Старик тоже считал дни.

Внезапно мне стало казаться, что я поднимаюсь все выше над городом и вижу все, что творится на его улицах. Улицы были безлюдны, и вдоль домов лежали одни черные маски. Маски покрывали землю, словно черный пепел, и между ними ходил кто-то в белом одеянии, наклонялся и раскладывал их аккуратными рядами. Он делал это очень долго и, кончив свое

занятие, поднял руку с большим черным колокольчиком. Потряс им – и сухой треск покатился над пустынными улицами.

Я вздрогнул, открыл глаза и не сразу сообразил, где нахожусь. В тишине слегка потрескивало печатающее устройство, а это значило, что кто-то передает материал для газеты. Я мигом оказался возле приемника, прильнул к мембране и, затаив дыхание, прислушался к приглушенному голосу. В мембране звучала обычная информация Печальных Братьев.

– Подождите! – крикнул я. – Я хочу с вами поговорить.

На том конце провода удивленно замолчали. Потом послышался далекий шепот, и голос в мембране раздраженно произнес:

– Кто там балуется?

– Подождите, я хочу поговорить с вами, – повторил я, задыхаясь от волнения.

– Кто это?

– Простой человек. Обыкновенный человек. Я хочу встретиться с вами, Печальные Братья. Или вы боитесь?

Опять послышался долгий-долгий шепот.

– Ты один?

– Да.

Томительное молчание.

– Безоружен?

– Да! Да!

Опять томительное молчание.

– Проверим, – пообещал голос.

Это была почти победа. Спина моя взмокла от пота, все вокруг, казалось, дрожало от грохота сердца.

– Что же вы молчите, Печальные Братья? Я один, я безоружен... Я просто хочу поговорить, хочу увидеть вас.

– Хорошо, – сказал голос. – Жди на углу у «Подвальчика веселых сновидений». Встретим.

И все. В мембране стихло. Ноги дрожали, я задышался в этой маленькой узкой комнате. Я разогнулся и направился к выходу. И остановился, потому что за спиной вновь раздался треск. Печальные Братья диктовали свое последнее сообщение. На этот раз я не стал им мешать.

Интересно, а касалось ли оно самих Печальных Братьев? Впрочем, что они могли сделать? Не больше других. Например, завалить две-три комнаты продуктами, которых хватит пусть даже на год. А дальше? И нигде, ни в одной квартире не видел я таких залежей, хотя за эти дни их вполне можно было создать. Зачем? Чтобы продлить агонию? Так не лучше ли сразу?...

А каким образом газеты попадают к читателям? Их кто-то разносит? Или есть какая-то автоматическая линия доставки? Впрочем, сейчас это было совершенно несущественно.

Проходя мимо зала к выходу из мэрии, я обнаружил, что дверь в зал распахнута настежь, хотя я ее закрывал. Я заглянул туда и увидел, что из кабинета мэра тянется завеса сизого дыма.

Мэр занимался ежедневным делом: сидел за столом, курил и читал газету. Пепел со стола он стряхнуть не удосужился. На мгновение оторвав глаза от газеты, он взглянул на меня и вновь погрузился в свое занятие.

– Здравствуйте, – сказал я.

– Все гуляешь, приятель? – спросил он рассеянно. – Чего же вчера не зашел?

– Не сумел. Но я только что говорил с Печальными Братьями. По телефону, в типографии. Сегодня с ними встречусь.

Мэр с иронией посмотрел на меня, поднялся, взял со стеллажа какие-то бумаги, бросил на стол и принялся перебирать. Видно было, что делает он это абсолютно бесцельно, лишь бы убить время.

– Давай, действуй, – сказал мэр. – Встречайся, говори. Чем не занятие?

Я понял его. Он уже смирился. Он уже был готов к финальной сцене и теперь пальцем о палец не ударит, чтобы постараться что-то изменить.

– А эвакуацию организовать вы не думаете? – спросил я.

Мэр пожал плечами:

– А зачем? Если надо – они и там достанут.

Убеждать его в чем-либо было бесполезно. Да и некогда мне было его убеждать.

– Я пошел.

– Будь здоров, приятель. Привет Печальным Братьям.

Мэр потянулся к стеллажам за очередными бумагами, дым от зажатой во рту сигареты лез ему в глаза, и он недовольно морщился.

Я закрыл тяжелую дверь с завитушками и вышел из мэрии. Я хорошо понимал, что мои шансы составляют величину, бесконечно близкую к нулю. У «Подвальчика веселых сновидений» меня, конечно, встретят. Сначала долго будут рассматривать из какого-нибудь окна, пока не убедятся, что я действительно один. Один я им ничего сделать не смогу. Если замысел Печальных Братьев серьезен – я им не помешаю. Если же они задумали грандиозную, хоть и не очень веселую шутку, то задержат меня до тех пор, пока вдоволь ею не насладятся. Чтобы я не старался убедить людей в том, что это не более чем шутка.

Впрочем, Печальные Братья, конечно, знали не хуже меня, что никого и ни в чем мне убедить не удастся. Ну вот, в порядке эксперимента...

У подъезда стоял пожилой мужчина в строгом черном костюме. Он держал за волосы большую куклу с голубыми глазами. Пока я подходил, мужчина медленно оторвал у нее ногу в белой туфельке, повертел перед собой, словно не зная, что с ней делать дальше, – и бросил на тротуар.

Я поздоровался, но ответа не получил. Послышался негромкий хруст – и вторая нога последовала за первой.

– Я знаю, как найти Печальных Братьев, – сказал я, наблюдая, как он выкручивает у куклы руку.

Ответа опять не последовало. Мужчина с кислым лицом молча и сосредоточенно продолжал свое занятие.

– Я знаю, где их искать, – повторил я на всякий случай, уже понимая всю бесполезность разговора. Впрочем, я понимал это еще до его начала. – Можно им помешать.

– Туда нам и дорога, – недружелюбно заявил истязатель кукол.

Он подержал сломанную игрушку еще немного, отшвырнул, серьезно посмотрел на меня грустными глазами и скрылся в подъезде.

Вот и все. Глас народа, как говорится...

И все-таки я должен был использовать последний шанс.

На улицах было на удивление много людей. Они поодиночке стояли у подъездов, сидели на тротуарах, бесцельно бродили вдоль домов. Они ждали.

Мне вспомнился старый рассказ: однажды всем приснилось, что через день они умрут. Думаете, кто-то пытался сопротивляться? Нет, вечером все просто легли спать. Здесь получалось нечто похожее.

Унылое серое небо цеплялось брюхом за крыши домов, тишину нарушало лишь шарканье подошв по тротуару. Люди ждали.

– Послушай, друг! – произнесли рядом, и я очнулся от невеселых размышлений.

Снизу вверх смотрел на меня задумчивыми глазами карлик. Карлик очень смахивал на гофмановского Циннобера. Голова его торчала прямо из плеч, короткое туловище походило на бочонок и неуверенно держалось на сравнительно длинных и тонких ножках. Его костюм состоял из засаленного жилета, из-под которого высывалась грязная майка, и брюк, кончающихся где-то на полпути между коленями и босыми ступнями. Тонкие губы карлика растянулись в грустной извиняющейся улыбке.

– Сегодня ночью ко мне пришли сожженные руки, – доверчиво сообщил Циннобер и часто заморгал. – Я лежал, не мог заснуть, а они открыли дверь – и ко мне.

Карлик замолчал и вздохнул. Откровения его были вполне в стиле Гофмана.

– Ползли, ползли, уцепились за одеяло и прямо на грудь. Вот сюда. – Карлик ткнул пальцем в грязную майку. – Пошевелились, прижались ладошка к ладошке и затихли. Так всю ночь мы и пролежали.

Циннобер снова вздохнул и грустно и выжидающе посмотрел на меня. Надо было что-то ответить.

– А потом они ушли?

Карлик заморгал еще чаще и окинул меня взглядом, полным удивления.

– К-как ушли?... – пробормотал он, запинаясь, и с сожалением покачал непомерно большой головой, покрытой редкими кустиками седых волос. – Ты разве не видишь, друг? Вот же они, под плащом.

Он распахнул жилет и еще раз продемонстрировал ветхую майку. Глаза наши встретились, и я прочитал в его взгляде тихое сострадание. Он сочувствовал моей слепоте.

– Голубая Танцовщица умерла, а я так ее любил, – кротко признался карлик, подтягивая короткие брюки. – Я бы отрезал ее руки и тоже положил на грудь... Но ее спрятали, и никто не хочет сказать, где... Ты не знаешь, друг? – В голосе Циннобера звучали мольба и надежда.

Я развел руками. Мне было очень плохо. Я ничем не мог ему помочь. Никому не мог помочь.

– Жаль.

Циннобер вздохнул, ссутулился и, отойдя от меня, сел на край тротуара. Время от времени он осторожно проводил рукой по груди, словно опасаясь, что его воображаемая жуткая ноша может исчезнуть.

Я двинулся дальше по улице, искренне не желая больше ни с кем встречаться, и вдруг ощутил какую-то неустроенность. Мне показалось, что я упустил некий важный момент, не доделал что-то, отправившись к «Подвальчику веселых сновидений». Кстати, не спросил у мэра, где искать этот «Подвальчик»...

Немного подумав, я понял, что хотел бы увидеть Равнодушную.

Тогда, в тот уже бесконечно далекий вечер, когда я попал к ней домой, Равнодушная зарыдала. Сидела, съежившись в кресле, уткнувшись лицом в широкий рукав черного платья, и плечи ее вздрагивали. Я хотел встать, подойти к ней, как-то успокоить, – но не успел. Девушка подняла заплаканное лицо, резко отбросила назад черные волосы и презрительно сказала:

– Думаешь, боюсь? Нисколько! Только не нужно было предупреждать. Тогда бы он не ушел...

Я понял, что она говорит о том, чей бокал остался недопитым в одной из комнат.

– Тогда бы вместе... До самого конца... – прошептала девушка и с силой провела ладонью по глазам. – А, что говорить? Получил свои газеты – и проваливай, нечего тут рассиживаться.

«Одиночество, – думал я, шагая к «Приюту уходящих в никуда». – Они все здесь страшно одиноки...»

...В «Приюте», кажется, ничего не изменилось. Царству теней не было никакого дела до гибели Города. Троица в углу воспринималась уже как часть интерьера, и у меня возникло

сомнение: действительно ли люди там сидят? Или это большие заводные куклы для придания бару особого колорита?

Кстати, одного не хватало в баре. Не хватало Равнодушной.

Сердце мое болезненно сжалось. Неужели?...

Из-под кресла у стены торчали чьи-то ноги в джинсах. Я быстро наклонился, взгляделся. Незнакомый лежал ничком, уткнувшись головой в сложенные руки, и сопел.

Я выскочил из тихого бара и бросился к подъезду. Влетел на лестничную площадку, распахнул дверь, прошел через анфиладу комнат и, тяжело дыша, остановился перед последней. Осторожно постучал. Не дождался ответа и постучал снова. В комнате было тихо. Тогда я решительно открыл дверь и вошел. Медленно обвел глазами зеркало, окно, пустые кресла, кровать под красным балдахином. Сказал негромко, чего-то пугаясь:

– Здесь есть кто-нибудь?

В ответ не раздалось ни звука. Я пробрался к кровати и отодвинул край балдахина. Сначала мне показалось, что на кровати лежит только длинное черное платье, но я тут же понял, что ошибся. Девушка лежала ничком, как тот незнакомый в баре, спрятав голову под подушку, – и у меня опять болезненно сжалось сердце. Опоздал...

Едва я дотронулся до ее плеча, как Равнодушная сбросила подушку с головы, быстро села и подобрала под себя ноги. Волосы ее спутались, бледное лицо было страдальческим и злым, а под глазами лежали темные круги.

– Ты что? – зло сказала девушка. – Тебе чего надо?

Мне хотелось ее обнять. Я отступил на пару шагов и облегченно вздохнул:

– Мне показалось...

– А мне наплевать, что там тебе показалось! – выкрикнула девушка и ударила кулаком по подушке. – Наплевать! Убирайся отсюда, я тебя не звала! Что ты ко мне пристаешь все время? Делать больше нечего?!

– Я иду к Печальным Братьям.

Девушка вздрогнула. Я видел, что она поверила мне сразу и безоговорочно. Она соскочила на пол, подошла ко мне, подняла бледное лицо и спросила шепотом:

– Можно, я с тобой? Глаза им выпарапаю! – В шепоте ее звучали боль и ненависть. – Горло им перегрызу! Задушу...

– Нет, я пойду один.

Девушка подступила еще ближе:

– Не за то, что они задумали. А за то, что предупредили. Зачем, скажи, зачем?

Что я мог ей сказать? Что я мог ей объяснить?

– Я иду, чтобы убедить их отказаться от этой затеи.

Девушка оторопело посмотрела на меня, медленно откинулась назад и захохотала.

– Не... нор... мальный! – проговорила она, задыхаясь от смеха. – Ненормальный! Вы посмотрите на него, на спасителя и защитника! Убедить! Ха-ха-ха!..

– Э-эх, люди-человеки беспомощные... – Я махнул рукой.

В конце концов, в чем она была виновата? В чем они все были виноваты? Они же именно люди, а не боги. Как и я сам, кстати. Хотя посмотрел бы я на богов в такой ситуации. В смысле, если бы их заставили жить в таком Городе. Правда, боги это боги, устроились бы, ели бы свою амброзию, запивали нектаром, совокуплялись да в игры всякие играли... Когда-то считалось, что при достижении полной автоматизации люди, освобожденные от ежедневного обязательного труда, наперегонки бросятся познавать тайны мироздания, создавать шедевры живописи, литературы и прочего, настолько расцветут духовно, что и представить себе невозможно. Ага, как же. Вот полностью автоматизированный Город, и вот люди, его населяющие. И что-то не вижу я нимбов у них над головами и белоснежных крыльев за спиной. Они же здесь не жили – маялись. А вот если бы их в пещеры, да чтобы в поте лица и так далее, вот тогда бы... Ошиба-

лись те давние теоретики, ох, ошибались. Люди есть люди, и им никогда не стать ни ангелами, ни богами. И это не плохо, и не хорошо, это данность. И природу человеческую вряд ли изменишь, какие бы теории по этому поводу не придумывали...

– Где тут «Подвальчик веселых сновидений»?

Девушка продолжала смеяться, не слушая меня. Кажется, у нее начиналась истерика.

– Где «Подвальчик веселых сновидений»? – рявкнул я так, что в высокой вазе загудело.

Девушка оборвала смех и торопливо ответила:

– На окраине. У самой равнины. Кажется, сорок третий сектор. Или сорок второй.

– Хорошо. Найду.

Я повернулся и зацепился ногой за стул. Стул с грохотом повалился на пол. Я перешагнул через него и вышел из комнаты.

Да, они ни в чем не были виноваты. Да, они были жертвами. Но как же быстро они сдались! Ведите их к пропасти – и они пойдут за вами, и бросятся вниз головой. Никудышные из них небожители...

Я быстро шагал вдоль серых домов, отыскивая взглядом цифры на стенах.

– Все, все в «Подвальчик веселых сновидений»! – завопили нестройные голоса. – Выпьем за освобождение! Выпьем за гибель!

Я резко остановился, словно наткнулся на невидимую стену. Невдалеке улица переходила в равнину, а на противоположном тротуаре вчерашняя компания с криками толпилась у входа в бар.

– Я жил в чудесном мире! – вопил лиловый толстяк, продираясь вперед. – И завтра снова буду там!

– Пей, пей, не жалея! – визжала женщина с фиолетовыми глазами, повиснув на сутулом парне в серых лохмотьях.

Она была уже без юбки – ниже куртки белели почти прозрачные полустянутые трусики.

Звенели бутылки, разбиваясь о тротуар, кто-то кричал, а кто-то заходился в хохоте, и зычно ревел полуголый верзила с залитым кровью лицом:

– За нашу смерть!

– За нашу смерть! За смерть! – подхватили нестройные голоса, закривлялись потные лица, и люди, сбиваясь в кучу, потянулись в дверь бара.

...Хрустело стекло под ногами. Я медленно ходил вдоль серого дома – вперед и назад, – и мне было грустно.

«Мгла! Мгла!..» – несло из «Подвальчика» вперемешку с хохотом и рыданиями.

Я расхаживал уже очень долго. Темнело, кое-где в окнах начали зажигаться огни.

Из-за угла вышел высокий широкоплечий человек. Он медленно приближался, и белый свитер пятном выделялся в сумерках. На лице человека чернела маска. Я, замерев, напряженно ждал, когда он подойдет.

Человек замедлил шаги и произнес знакомым надорванным голосом:

– Ну, пошли, что ли, спаситель.

– Рад приветствовать Печального Брата, – выдавил из себя я.

5

– Смотрите! Смотрите, как они радуются своему последнему вечеру, – со злостью сказал Белый, глядя в окно.

Мы – я, Синий, Зеленый и Светловолосая – подошли и молча встали у него за спиной.

В бледном вечернем искусственном свете бродили черные тени. Тени кричали, пели, смеялись и плакали, собирались в небольшие группки и распадались, словно окно было большим мрачным калейдоскопом, подзорной трубой, нацеленной на круги ада.

– А что в «Трех покойниках»? – мрачно произнес Синий. – Столпотворение! Безумие... Громят игральные автоматы, все ломают, спариваются у всех на виду всеми способами, кто во что горазд... Заблевали все вокруг...

– Готовятся отойти в лучший мир, – сказал Зеленый.

– И все-таки это жестоко, – произнес я, глядя на их невеселые лица.

Белый с горечью засмеялся:

– Жестоко! Просто небольшая встряска для прочистки мозгов.

– А ведь они действительно радуются, – задумчиво сказала девушка. – Им показали выход, и у них наконец-то появилась цель: завтра умереть.

Я повернулся к ней:

– Возвращаю ваш утренний вопрос: почему вы, Печальные Братья, противопоставляете их и себя? Вы что, из другого теста?

– Отвечаю, – процедил Белый, не отрываясь от окна. – Разница в том, что придумали это мы, а не они. А теперь мы любимся на них.

Я вернулся в кресло и произнес в пространство:

– Интересно, в завтрашнем номере газеты Печальные Братья сообщат граду и миру о том, что жизнь продолжается?

– Сами догадаются, – пробурчал Белый. – И вообще, спутал ты нам все своим появлением. Благодетель... Только учти, – он наконец повернулся ко мне, – нас не переделаешь.

Я промолчал. Теперь можно было помолчать. Печальные Братья отказались от своей затеи – и это было главное. Хоть и скрывали они свои чувства, но я-то понял: с моим появлением у них появилась надежда. Все-таки мне удалось убедить их в том, что я – посланник Земли.

– Костры разложили, – задумчиво сказал Зеленый, глядя в окно. – Мебель жгут. Радуйтесь, братья, они проявляют инициативу.

– Уж куда как радостно! – фыркнул Синий. – Плакать хочется от счастья.

Я вновь обвел их взглядом:

– Интересно, а как вы нашли друг друга?

– Это я их нашла, – заявила Светловолосая. – Один книжки читал, другой стихи сочинял, а третий вечно брюзжал. А поскольку у них всегда были унылые физиономии, они назвали себя Печальными Братями. Ну, а мне пришлось присоединиться к этому названию, потому что Печальные Братья и Не Очень Печальная Сестра – это было бы не слишком красиво, согласитесь.

– Кстати, о стихах, – вмешался Зеленый. – Делать-то все равно нечего, так я вам стихи почитаю. Написанные на основе жизненного опыта.

– Представляю! – буркнул Белый. – Представляю, какие это стихи. Тематика известная.

– Давай! – разрешила Светловолосая. – Не слушай его, он сейчас злой, у него игра кончается.

Зеленый сел в кресло, посмотрел на меня и уставился в потолок.

– Да, я струсил. В последний миг. Когда Смерть показала лик, – начал он приглушенным голосом, останавливаясь после каждой фразы, словно отрубая их друг от друга. – Я умереть не сумел. Хоть и очень хотел. Хотел... Да, я снова живу. Живу. Вновь по жизни плыву. Плыву. Но, не таясь, говорю: «Скоро сгорю. Сгорю...» И потечет молва, и поползут слова: «Где же он? Чем он стал?» – Зеленый помолчал немного дольше и закончил совсем тихо: – Просто пропал. Пропал...

– Миг, лик... – пробормотал Белый. – Сумел, хотел... А также: запел... поел... вспотел... захрапел... Можешь поместить в газете. Или в Саду читать. В большем не уверен, но стаканчик, возможно, тебе и поднесут. Потому как на основе жизненного опыта.

Зеленый беззлобно рассмеялся и махнул рукой.

Я сидел, погружившись в мягкое кресло, и мне казалось, что я нахожусь в каком-то темном фантастическом мире, где бродят чьи-то тени, бродят, ничего не видя в темноте, и страдают, и жаждут хоть какого-нибудь, хоть маленького просвета...

– А вон девчонка идет, у которой парень пропал, – Светловолосая показала в окно. – Помните, я говорила, из «отлетающих»? А она теперь день и ночь в «Приюте» торчит.

Я вздрогнул, поднялся с кресла и подошел к окну. По улице медленно шла Равнодушная и смотрела на окна.

– Я позову ее, – торопливо сказал я.

Белый удивленно взглянул на меня, поколебался немного и пожал плечами:

– Зови, если хочешь.

Я распахнул окно и крикнул, перекрывая вопли, пьяные голоса, песни, смех, завывания и плач:

– Девушка! Девушка-а!

Под окном, упираясь в стену руками и чуть присев, покачивалась пышногрудая женщина в разодранном платье, из-под которого была в тротуар струя. Она задрала голову и трянула встрепанными волосами:

– Эй, ты меня?

Это движение привело к тому, что она потеряла равновесие, развернулась и упала, уткнувшись лицом прямо в собственную лужицу. Равнодушная всмотрелась в окно, увидела, что я машу ей рукой, и бросилась к подъезду.

Через несколько мгновений она уже плакала в прихожей, заливая слезами мой комбинезон. В дверном проеме возник Зеленый.

– Проходи, прелестное создание, я почитаю тебе стихи.

Он исчез, сделав приглашающий жест, и я провел девушку в комнату. Зеленый приволок еще одно кресло. Равнодушная рухнула в него и, согнувшись, уткнулась лицом в колени.

– Это жестоко... Жестоко! – приглушенно стонала она. – Нужно было без предупреждения... Жестоко...

Белый подошел к ней и присел на корточки:

– Город помилован. Можешь спать спокойно.

Равнодушная на мгновение затихла, потом заплакала еще сильнее.

– Э... то... жесто... ко!.. Не... навижу!..

– Дай ей воды, – резко сказал Белый Светловолосой и поднялся. – Жестоко! А жить так – не жестоко? А в «Приюте» своем торчать с этими придурками – не жестоко? Да все вы должны спасибо сказать за такую встряску. Когда бы вы получили такие острые ощущения? Отменяем мы это развлечение, понимаешь? Отменяем. – Он взглянул на меня. – Во всяком случае, откладываем.

– На, выпей.

Светловолосая протянула чашку, но Равнодушная оттолкнула ее руку. Она постепенно затихла, но по-прежнему не поднимала голову.

И в комнате наступила тишина. Сидели в креслах я, Равнодушная и два похожих друг на друга парня. Светловолосая поставила чашку и застыла, согнувшись и упираясь ладонями в стол. Белый, закрыв окно и прижавшись лбом к стеклу, смотрел на улицу. Молчание затягивалось, угнетало, молчание было унылым, как здешнее небо.

– Может быть, мне что-нибудь рассказать? – решил я разбить это тягостное молчание.

Белый внезапно подошел ко мне, наклонился и положил тяжелые ладони мне на плечи.

И сказал, глядя прямо в глаза:

– Не надо. Не сейчас... Расскажешь завтра утром.

– Завтра утром, – эхом отозвалась Светловолосая.

Синий хмыкнул и произнес:

– Завтра утром мы пойдем по улицам и станем стучать во все двери, призывая людей к новой жизни.

– Помолчи, – коротко сказал Белый и добавил, уже убрав ладони и выпрямившись, но по-прежнему глядя на меня: – Дождемся финала. Ничего ведь уже не изменишь. А завтра будем думать...

И вновь все застыли в прежних позах. словно актеры бросили веревочки, и деревянные куклы больше уже не могут пошевелиться...

Равнодушная распрямилась и осмотрелась, будто только что проснулась. В слабом свете, текущем в комнату из окна, виднелось ее бледное лицо с большими влажно блестящими глазами.

– А если я расскажу? – Голос ее дрожал. – Он ушел и оставил недопитый бокал. Можете пойти, посмотреть. И они тоже ушли. Они стали Поклонницами Скорби и замуровали себя в подвале, а он исчез... Где мне его искать? – Равнодушная снова уронила голову на колени.

– А зачем его искать? – вдруг спросил Зеленый и обвел всех взглядом. – Вы вот еще меня послушайте и сразу все поймете.

Белый недовольно поморщился и собрался что-то сказать, но Светловолосая его опередила:

– Давай, коли ты сегодня в ударе.

– Только прозу для разнообразия, – буркнул Синий. – Согласен?

– А я как раз и собирался прозу, – ответил Зеленый. – Плоды размышлений, так сказать. Слушайте.

– Ну-ну, – сказал Белый.

– Было время, когда не существовало таких понятий, как «жизнь» и «смерть». Небесные тела закономерно расцветали и закономерно уходили в небытие, не осознавая себя, как дар, данный Закономерностью, и отнятый той же неумолимой Закономерностью. – Зеленый говорил медленно, с запинками, словно вспоминая. – Они не осознавали себя, как нечто появившееся, и как нечто, чему суждено уйти с вселенской сцены, – и поэтому не могло быть тогда разговора о жизни и смерти. Но вот на одном из небесных тел однажды появилась жизнь – неважно, откуда – уродливая корка, которая, разбухая, стремилась вширь и ввысь, чтобы в конечном итоге уничтожить себя. Бульон жизни клокотал и кипел, пока не исторг Человека – существо ничтожное и жалкое, совсем не стоящее добрых слов и обреченное на муки самопознания.

Зеленый запнулся. Вдохнул. Никто не произнес ни слова.

– Что же такое Человек? Да, это существо, ничтожное в своих низменных стремлениях. Это существо, пытающееся доказать кому-то – кому? – что оно есть вершина творения, хотя не было творения, а тем более – вершины. Да, это существо жалкое, ибо недолг его век, хотя за век этот оно тшится достичь высот непомерных. Это существо, создающее себе кумиров и называющее их нелепыми именами, хотя никому не нужны никакие кумиры, а вся унижительная суета Человека означает только его неспособность быть самим собой. Ему обязательно

нужно кому-то поклоняться. Существо смертное – и это самое главное, ибо в смерти предназначение человеческое.

Белый удовлетворенно качнул головой:

– Наконец-то дождались!

– В смерти, и в идиотской загробной жизни, – продолжал Зеленый, не обращая внимания на реплику, – которую никто не видел, но в которую верят. Верят, потому что иначе слишком страшно жить. И это жалкое существо, эта пыль на задворках великой Вселенной мнит себя выше всех и величественней всех...

Зеленый засмеялся тихим долгим смехом. Равнодушная с удивлением и страхом смотрела на него.

– И самое смешное! Самое смешное... Ведь это *мы* думаем, что живем и умираем, и тешим себя надеждами. А на самом деле не живем мы, и не жили никогда, и не суждено нам умереть, потому что все существование наше – не более чем сон, привидевшийся на мгновение некоему зазвездному гиганту, который вот-вот проснется. – Теперь Зеленый тоже смотрел на Равнодушную, словно говорил только для нее. – А потому мелочны наши переживания, наши страдания, стремления, потери и неудачи, ибо мы – только обрывок сна неведомого существа, которое проснется и даже не вспомнит свой сон, не вспомнит о нас, порожденных его сознанием... Надо просто жить, ни о чем не думая, пока не кончился сон гиганта, и не создавать себе трудностей. Хотя наши трудности – тоже только сон, и страдания наши смешны, потому что нет на самом деле никаких страданий... – Зеленый помолчал и добавил: – Поэтому не надо печалиться, прелестное создание.

– Вы что, все это – серьезно? – тихо опросила Равнодушная.

– Бред! – резко сказал Белый. – Это у него из-за прыща на заднице. Может, ты, брат, кому-то и снишься, а я вот думаю, что это Город нам снится. Всем нам, понятно? Но будет возможность проснуться, и вот тогда...

Светловолосая внезапно подалась к окну и сдавленно сказала, прервав Белого:

– Смотрите!..

Я встал, взглянул на улицу поверх ее головы и увидел...

Люди с бледными лицами медленно проходили под нами и шли дальше по улице, выходящей на безжизненную равнину.

Белый открыл окно, высунулся, а потом повернулся к нам. Лицо у него было растерянное и тоже побледневшее.

– Уходят... – нервно сказал он, вновь высунулся из окна и крикнул вниз, проходящим: – Эй, куда вы? Вернитесь! Вернитесь, слышите? Все будет в порядке, Печальные Братья пошли!

Ему никто не ответил. Вереница отрешенных людей медленно текла под окном. Угасали костры на тротуарах, бежали в никуда желтые полосы, и темное безглазое небо висело на крышах опустевших домов. Люди молча проходили под окном, вели с собой детей, несли их на руках, а из-за угла появлялись все новые и новые.

– Куда идете, люди? – прошептал Зеленый.

– Надо вернуть их, – сказала Светловолосая. – Вернуть!

– Никуда они не денутся, – пробурчал Синий. – Сами завтра вернутся. И все-таки зашевелились...

– Ненавижу вас! – сквозь зубы процедила Равнодушная, вскочила и выбежала из комнаты.

Я молча последовал за ней и догнал уже на улице. Взял за руку и вместе с ней влился в молчаливый людской поток. Обернулся на мгновение – у окна растерянно застыли три парня и девушка.

Небо было обычным – беспросветным и неуютным, но мне показалось, что где-то в
вышине вдруг робко мигнула звезда.

Или тут никогда не видно звезд?...

1980, 1981, 1988

На чужом поле

1

Даже не знаю, как начать. Ведь одно дело – быть участником событий, и совсем другое – попытаться их описать. Да еще не имея никаких навыков подобных занятий.

С чего же начать? С пробуждения в больнице? Нет. Уж лучше постараюсь по порядку.

– Фамилия? Имя? – отрывисто ронял слова серый человек за столом.

Лицо его было невыразительным, как старая любительская фотография. Он теребил какие-то бумаги на столе, а я растерянно смотрел на него, сидящего за пределами светлого круга от настольной лампы, на тускло поблескивающие стеклами высокие шкафы за его спиной, смотрел и удивлялся, оглушенный таким резким переходом. Я сидел на стуле напротив серого человека с невыразительным кукольным лицом и редкими неопределенного цвета волосами, одетого в мешковатый, опять же какой-то невыразительный пиджак. Комната витала в полумраке, который скрадывал, смазывал детали, да и некогда было присматриваться к деталям, потому что серый человек повторил: «Фамилия? Имя?» – выдвинул ящик стола и извлек оттуда пистолет. Пистолет был очень похож на настоящий.

Я не космонавт. Я окончил среднюю школу, затем исторический факультет вуза и семь лет проработал в школе с мальчишками и девчонками. С обыкновенными мальчишками и девчонками нашего микрорайона. Повторяю, я не космонавт, и не тренировался на предмет действий в нештатных ситуациях, поэтому я просто смотрел на огнестрельное оружие в руке серого человека и безуспешно пытался сообразить, что он предпримет дальше, откуда свалилась на меня эта полутемная комната или откуда взялся я в этой полутемной комнате, и куда подевалась знакомая роща и теплый июльский вечер.

Несколько слов о предшествующих событиях. Мальчишки мои и девчонки сдали экзамены и пошли, как принято говорить, по дорогам жизни. Юрик-Энциклопедия отправился пытаться счастья в столицу, сестры Вехтевы – в местный пединститут, Сережка-Десантник – в военное училище, красавица Беланова – медсестрой в областную больницу, стажа ради, футболист Денисенко – на славный наш машиностроительный завод, где и команда футбольная неплохая. В общем, наступило в школе время относительного затишья, и принял меня в свои нежные объятия очередной отпуск. Задумки на лето у меня, конечно, имелись. Родная сестра ждала в Подмоскovie, и можно было побродить вместе недельку-другую по ягодным да грибным лесам, посидеть с удочкой у тихой речки. А потом... Потом начинался отпуск у Иры. И хотели мы махнуть аж на Соловецкие острова, не более и не менее, потому что давно желал я там побывать и сумел убедить Иру, что именно эти далекие северные земли, южный берег Северного Ледовитого океана, стоят десятка Черноморских побережий. Впрочем, убеждать Иру долго не пришлось. «С тобой хоть и на Ривьеру», – смеясь, сказала она, и вопрос был решен окончательно и бесповоротно.

Так вот, до отъезда к сестре оставалось всего два дня. Делать в душной квартире было абсолютно нечего, читать, а тем более возиться с косметическим ремонтом не хотелось, и я предпочитал днем бездельничать на пляже, а теплыми июльскими вечерами прогуливаться по тропинкам рощи, которая начиналась в пяти минутах ходьбы от моего подъезда. Дикая была роща, еще не окультуренная платными аттракционами, и трудно было придумать лучшее место для прогулок. Не доносился туда шум проспекта, летали какие-то невиданные пестрые птицы, носились ошалевшие от чистого воздуха собаки, поднимались синие дымки над кострами и пахло шашлыками. Бродили отрешенные пары, бегали, тяжело дыша, оптимисты, стремясь

убежать от старости, бормотали на разных иномыках транзисторы и в ложбинке у ручейка возились дети.

Был вечер двадцать четвертого июля. «Спартак» потрепал армейцев, я выключил телевизор, надел черную футболку и любимые джинсы, зашнуровал кроссовки, на всякий случай позвонил Ире, хотя знал, что у нее сегодня, как и вчера, и позавчера, репетиция, – и был таков.

Прохаживался себе по рощице, размышлял о чем-то, представлял, как мы с Ирой побродим по соловецкой глухомани, – и зашел в какой-то совсем тихий уголок. Тропинка упиралась в завал из сушняка, и можно было лечь на обратный курс. Заходящее красное солнце ненавязчиво светило сквозь листву.

И тут же, без всяких видимых причин, очутился у широкого стола напротив серого человека.

Это сейчас уже я пытаюсь излагать все по порядку и не спеша. А тогда, двадцать четвертого июля, события разворачивались очень быстро. Я еще не успел как следует рассмотреть пистолет, а уже оказалось, что он направлен на меня.

– В третий раз спрашивать не собираюсь, – произнес серый человек. – Не у кого будет спрашивать. В общем-то, вопросы эти – простая формальность. Мы и так знаем достаточно для того, чтобы превратить тебя в покойника. Просто таков порядок. Ну и, возможно, у тебя появится шанс.

Слова он говорил тоже какие-то серые, потертые, но говорил серьезно, и с этим следовало считаться. Скрывать мне было нечего, на раздумья могло просто не остаться времени, поэтому я сказал:

– Губарев. Игорь.

Серый опустил лицо в бумаги, продолжая держать меня под прицелом. Не знаю, что он там вычитал, но следующий вопрос раздался почти сразу:

– Признаешься?

Ей-богу, все это походило на отрывок из сценария графомана, только вот пистолет... Он вполне мог оказаться настоящим.

Мой встречный вопрос угадать легко.

– В чем? – спросил я.

Серый пошелестел бумагами.

– Отпираться глупо, бесполезно и вредно для здоровья, – заявил он, ткнул пистолетом в мою сторону и позволил себе усмехнуться серой усмешкой. – Все известно, но желательно, чтобы ты подтвердил. Для порядка.

Он замолчал, почесал нос и выжидающе уставился на меня. Возможно, отпираться было и в самом деле глупо, но чудилось мне во всем этом что-то театральное. Бутафорское. Хотя, повторяю, на размышления могло просто не остаться времени.

«В любой ситуации, Игорь Сергеевич, действие лучше бездействия», – сказал как-то на заседании нашего клуба любителей истории Юрий-Энциклопедия, имея в виду то давнее стояние на Угре русской рати напротив расположившегося на другом берегу золотоордынского войска. По мнению Юрика, наши должны были завязать бой, расколошматить завоевателей и идти дальше, сокрушая врагов и неся освобождение народам.

Что ж, все мы в юности максималисты. (Жаль, что только в юности?)

Я прикинул расстояние до пистолета, потверже уперся ногами в пол, готовясь к броску, и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.